Б. М. Ляпуновъ.

ФОРМЫ СКЛОНЕНІЯ

ВЪ

СТАРОСЛОВЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

I. Склоненіе именъ.

Одесса.
«Экономическая» типографія, улица Жуковскаго, № 43.
1905.

Печатано по распоряженію Правленія Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ на основаніи § 20 устава Общества.

Предсѣдатель Общества Проф. *В. М. Истринъ.*

Настоящая статья моя, представляющая объясненія нѣкоторыхъ формъ склоненія именъ и мѣстоименій въ старословянскомъ языкѣ, есть результатъ переработки моихъ лекцій по морфологіи старословянскаго языка, читанныхъ впервые въ Новороссійскомъ университетѣ въ 1901—1902 г. Хотя въ своихъ объясненіяхъ я даю мало оригинальнаго, бо̀льшею частію слѣдуя по стопамъ извѣстныхъ лингвистовъ, тѣмъ не менѣе я считаю печатаніе этихъ выдержекъ изъ своихъ курсовъ небезполезнымъ какъ потому, что на русскомъ языкѣ мы вообще имѣемъ мало научныхъ руководствъ по старословянскому языку, такъ и потому, что бо̀льшая часть объясненій академика Ф. Ѳ. Фортунатова, которымъ я преимущественно слѣдую, сопоставляя ихъ съ объясненіями другихъ лингвистовъ, до сихъ поръ извѣстна очень немногимъ изслѣдователямъ, знакомымъ съ его литографированными курсами. Кромѣ того, кое-гдѣ мнѣ удалось, можетъ быть, высказать и свои соображенія, а также и сдѣлать кое-какія поправки на основаніи изученія памятниковъ старословянскаго языка. Разбирая формы старословянскаго языка, какъ одного изъ словянскихъ языковъ, ставшаго благодаря извѣстнымъ историческимъ обстоятельствамъ наиболѣе вѣрнымъ представителемъ древнѣйшаго состоянія тѣхъ свойствъ словянскаго языка, которыя могутъ считаться общесловянскими, я имѣю въ виду именно возстановленіе формъ, нѣкогда общихъ всѣмъ словянскимъ языкамъ, или въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ формы отдѣльныхъ словянскихъ языковъ не могутъ

быть сведены къ одной, возстановленіе формъ, хотя и не общесловянскихъ, но всетаки прасловянскихъ, какъ существовавшихъ въ діалектахъ прасловянскаго языка. Благодаря такой задачѣ, я естественно долженъ не только привлекать къ сравненію факты другихъ индоевропейскихъ языковъ, но и ссылаться въ наиболѣе важныхъ случаяхъ на образованія, существующія или существовавшія въ другихъ словянскихъ языкахъ или по крайней мѣрѣ засвидѣтельствованныя ихъ письменными памятниками. Съ другой стороны я не предлагаю полной статистики формъ старословянскихъ памятниковъ, какъ это сдѣлано, напр., Шольвиномъ (Robert Scholvin) въ устарѣвшемъ уже теперь вслѣдствіе послѣдовавшихъ за нимъ новыхъ открытій и изслѣдованій, но въ свое время весьма почтенномъ очеркѣ «Die Declination in den pannonisch-slovenischen Denkmälern des Altkirchenslavischen» (Leipzig 1877), такъ какъ такой сводъ въ главныхъ чертахъ сдѣланъ Лескиномъ въ его извѣстномъ руководствѣ «Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache», во второмъ (Weimar 1886 г.) и третьемъ изданіи (1898 г.) котораго приняты во вниманіе факты всѣхъ крупныхъ древнѣйшихъ старословянскихъ памятниковъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ указаній на редакціи русскую, сербскую и такъ называемую среднеболгарскую. Только Кіевскіе глаголическіе листки, которые по мнѣнію Ягича, Облака и Лескина представляютъ начало редакціи моравской, исключены Лескиномъ изъ канона старословянскихъ текстовъ и въ 3-мъ изданіи его руководства, что̀ съ точки зрѣнія другихъ изслѣдователей (Миклошича, Фортунатова, В. Н. Щепкина), къ которымъ примыкаю и я, не можетъ быть оправдано. Этотъ пробѣлъ восполненъ въ грамматикѣ Вондрака (W. Vondrák, Altkirchenslavische grammatik, Berlin 1900), который, считая Кіевск. л. памятникомъ чехо-словацкой редакціи, всетаки черпаетъ изъ нихъ данныя фонетики и морфологіи старословянскаго языка. Только относительно формъ, важныхъ въ діалектическомъ отношеніи, я иногда дополняю Шольвина, Вондрака и Лескина. Замѣчу, что умѣлое пользованіе и древнѣйшими русскими списками старословянскаго языка для созданія полной картины этого языка со всѣми діалекти

ческими различіями было-бы весьма важно, а потому нельзя не одобрить поступка переводчиковъ 2-го изданія руководства Лескина, помѣстившихъ при русскомъ переводѣ 1890 г. дополненія по языку Остромирова Евангелія. Тѣмъ болѣе изслѣдованіе списковъ русскихъ, сербскихъ, болгарскихъ и памятниковъ древняго состоянія различныхъ словянскихъ языковъ, произведенное съ должной критикой, соблюденіемъ исторической перспективы и привлеченіемъ къ сравненію формъ живыхъ языковъ, помогаетъ возстановить звуки и формы гипотетическаго прасловянскаго языка. Конечно, такое болѣе близкое къ истинѣ возстановленіе этого языка еще впереди, когда будутъ изслѣдованы всѣ памятники и всѣ живые говоры; а пока наша задача сводится къ тому, чтобы дать научное объясненіе главнѣйшимъ уже извѣстнымъ фактамъ древнѣйшихъ памятниковъ старословянскаго языка.

Что касается частностей изложенія, замѣчу, что въ общемъ я придерживаюсь научной терминологіи акад. Фортунатова и, говоря о формахъ индоевропейскаго праязыка, употребляю условныя обозначенія $\overset{e}{a}$, $\overset{o}{a}$ и т. п. для выраженія тѣхъ оттѣнковъ индоевропейскаго вокализма, которые въ новѣйшихъ трудахъ западныхъ лингвистовъ обозначаются какъ *e*, *o* и т. п. Но сравнительно съ прежними своими работами, въ которыхъ я вслѣдъ за акад. Фортунатовымъ и Шахматовымъ употреблялъ терминъ «общесловянскій языкъ» для обозначенія древнѣйшаго нераздѣльнаго общаго состоянія словянскихъ языковъ, предполагаемаго сравнительнымъ изученіемъ отдѣльныхъ словянскихъ языковъ, —я вслѣдъ за проф. А. И. Томсономъ предпочитаю теперь употреблять терминъ «прасловянскій языкъ», вполнѣ соотвѣтствующій нѣмецкому «urslavisch» и точнѣе передающій понятіе о языкѣ—предкѣ. Это различеніе терминовъ «общесловянскій» и «прасловянскій» тѣмъ необходимѣе, что не всѣ «прасловянскія» явленія суть непремѣнно «общесловянскія», такъ какъ и прасловянскій языкъ дѣлился на говоры, и наоборотъ—явленія, общія всѣмъ словянскимъ языкамъ, могутъ не быть прасловянскими, т. е. исконными, а возникать въ ихъ отдѣльной жизни.

Главнѣйшими пособіями при составленіи печатаемой теперь статьи мнѣ служили, кромѣ грамматикъ Лескина, Миклошича и Вондрака, сочин. Лескина «Die Declination im slavisch-litauischen und germanischen» (Leipzig 1876, цит. Leskien Decl.), статьи и лекціи акад. Фортунатова различныхъ годовъ по фонетикѣ старословянскаго языка и сравнительной фонетикѣ и морфологіи индоевропейскихъ языковъ[1]), изслѣдованія академика И. В. Ягича, «Kurze vergleichende Grammatik» (1903) Бругмана (цитирую K. Vrgl. Gr.), отдѣльныя статьи проф. Р. Ѳ. Брандта, Гирта, Штрейтберга, Педерсена и другихъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ (Р. Ф. В.), Archiv f. slav. Philologie, Indogermanische Forschungen (I. F.) и журналахъ Куна «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogerm. Sprachen» (K. Z.) и Бецценбергера «Beiträge» и проч. (B. B.).

A. Склоненіе именъ.

Слѣдуетъ различать основы по окончанію ихъ на гласные и согласные звуки, къ которымъ присоединялись падежные суффиксы. Опредѣлять эти падежные суффиксы мы будемъ аналитически, помощію разсмотрѣнія отдѣльныхъ типовъ склоненія старословянскихъ именъ и сравненія ихъ съ соотвѣтствующими родственныхъ языковъ.

I. Склоненіе основъ на *ă̊* = праслов. *o* мужескаго и средняго рода.

Въ формахъ именит. ед. ч. мужеск. р. ст. слов. *рабъ*, *влькъ—влькъ* (др. рус. *вълкъ*=русск. *волкъ*) при сравненіи съ литовск. vil̃kas, др. инд. vŕ̥kas, греч. λύκος, лат. lupus, мы видимъ окончаніе *s*, которое, въ отличіе отъ мнѣній Лескина (Decl. 3—4), Миклошича (Vergl. Gram. I, 82), недавно проф. В. А. Богородицкаго (Склоненіе въ аріо-европейскихъ языкахъ, Казань, 1902, 9—10), выводившихъ его изъ окончанія вин. ед *ă̊m* (*ăm*, *ŏm*), возможно выводить изъ оконч. *ă̊s* (=греч. *os*,

[1]) Въ особенности пользуюсь курсомъ лекцій по сравнительному склоненію 1897 г., доставленіемъ списка котораго я обязанъ одному изъ своихъ слушателей въ Харьковскомъ университетѣ М. І. Когену.

лит. и др. инд. *as*, лат. *us*), согласно старымъ мнѣніямъ Боппа, Шлейхера, а въ новѣйшее время Видеманна (Osk. Wiedemann, Das litauische Präteritum, 1889, s. 14, сноска), Фортунатова (Лекціи по ц. слав. яз. изд. 1884—1885 г., с. 226, печ. изд. 1888 г., с. 182), Объ ударе́ніи и долготѣ въ балтійскихъ языкахъ, с. 15, Р. Ф. В. 1895 г.), Бернекера (K. Z. 37, 370), Педерсена (K. Z. 1902, XVIII, 321), принятымъ и въ сокращенной сравнительной грамматикѣ Бругмана (K. Vrgl. Gr. 376, § 454, сноска 1); Педерсенъ справедливо возразилъ Гирту, выставившему законъ: *os* и *om* подъ ударе́ніемъ=*o*, безъ ударе́нія=*ъ* (J. F. II, 344), охотно принятый между прочимъ Вондракомъ въ его «Altkirchenslavische Grammatik», с. 82, но Фортунатовъ высказывалъ свой законъ (*o* и *od* : слов. *o*, *os* и *om* : слов. *ъ*) въ своихъ курсахъ много лѣтъ раньше закона Гирта, прежде чѣмъ наконецъ его мнѣніе появилось въ печати на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Естественно предположить, что въ извѣстную эпоху жизни праслов. языка, когда всѣ мгновенные согласные уже отпали въ концѣ словъ, что̀ совершилось еще въ эпоху балтійско-словянскую, *ŏ* въ закрытомъ конечномъ слогѣ (передъ длительными согласными *s*, *r*, *n*, *m*) становилось очень закрытымъ и измѣнялось въ *ŭ*, которое, какъ и всякое *ŭ*, давало праславянскій ирраціональный звукъ *ъ*, являвшійся въ слѣдующую эпоху, по отпаденіи и длительныхъ согласныхъ въ концѣ, завершителемъ слова. Такимъ образомъ, подобно латинскому *ŭs* изъ *ŏs* у насъ получилось *ъ*, возникшее изъ сочетанія конечнаго гласнаго основы съ суффиксомъ имен. ед. *s*, такъ какъ изъ открытаго *ŏ* у насъ не получилось бы *ъ*.[1]). Здѣсь не мѣшаетъ оговорить, что встрѣчающіяся въ Зографскомъ, Маріинскомъ и другихъ памятн. формы именит. ед. на *o* вмѣсто *ъ* передъ слѣдующими энклитиками тѫ, сь (народо́сь, работѫ́, плодо́сь, Leskien § 17) никоимъ образомъ не могутъ считаться доказательствомъ существованія въ старослов. яз. древней формы имен. ед. на *o*, какъ это думали нѣкогда Гейтлеръ и Р. Ѳ. Брандтъ (Р. Ф. В. 1883, IX, 221): нельзя сомнѣваться, что здѣсь *o* изъ *ъ* передъ слѣдую-

[1]) Обратно и очень неясно понимаетъ дѣло А. Л. Погодинъ («Слѣды корней—основъ въ слав. языкахъ», 211).

щимъ слогомъ съ ирраціональнымъ гласнымъ, что̀ ясно изъ примѣра можетъ съ Мар. Jo. VI, 52 (Ягичъ, Мар. Ев., 430). И такъ, форма имен. ед. ч. мужскихъ основъ на *о* слилась на словянской почвѣ съ формою вин. ед., гдѣ конечное *з*, какъ признается всѣми лингвистами, отражаетъ конечное индоевропейское *ŏm* (греч.—*ον*, лат.—*um*, др. инд.—*am*, лит.—*ą*), въ которомъ также заключается сочетаніе конечнаго гласнаго основы съ суффиксомъ винит. ед. *т*. Только Гиртъ, какъ сказано и здѣсь примѣнялъ свое условіе неударяемости.

Что касается формы имен. вин. ед. основъ на *ŏ* средняго рода, то здѣсь общесловянское *о* такихъ словъ, какъ старослов. *иго*, *село* и т. п., представляетъ повидимому окончаніе, заимствованное у мѣстоименій, а именно подъ вліяніемъ формы им. вин. ср. р. то изъ и. европ. * *tŏd* (сравн. лат. *istud* изъ * *istod*, др. инд. *tad*), какъ это принимаетъ и Бругманъ (K. Vrgl. Gr. § 460, s. 380), такъ какъ изъ индоевроп. *ŏm* въ концѣ словъ, наслѣдіе котораго мы имѣемъ въ языкахъ др. индійскомъ (*yugám*), греческомъ (*ζυγόν*), латинскомъ (*jugum*), мы получили бы *з*, какъ и въ формахъ им. вин. муж. р.

Въ формахъ род. ед. ст. слов. *влька* (*влъка*), *села* муж. и средн. р. общесловянское *а* могло бы отражать окончанія двухъ падежныхъ формъ индоевропейскаго праязыка—1) собственно стараго родит. и 2) отложительнаго или отдѣлительнаго (аблатива), можетъ быть, сохраняющихъ до сихъ поръ слѣдъ въ оттѣнкахъ значенія такъ называемой формы родит. пад. въ словянскихъ языкахъ. Выраженія «голова *волка*» и «бѣжать *отъ волка*» до сихъ поръ въ русскомъ яз., какъ подобныя же въ старославянскомъ и другихъ словянскихъ яз, иллюстрируютъ исконную разницу двухъ падежныхъ формъ. Большинство лингвистовъ именно въ формѣ аблатива и лишь въ ней видятъ источникъ нашей формы род. ед. на *а* основъ муж. и ср. р. на *о* (см. Brugmann, K. Vrgl. Gr., II, 1903, § 462 и 463, с. 382 и 383, также § 531, примѣч. на стр. 421), какъ будто она представляетъ менѣе затрудненій или даже вполнѣ ясна въ фонетическомъ отношеніи. Но дѣло въ томъ, что, считая формы род. ед. на *а* настоящими формами род. ед. вслѣдъ за Фортунатовымъ, мы не дѣлаемъ

никакой натяжки въ фонетическомъ отношеніи. Прежде чѣмъ перейти къ изложенію гипотезы Фортунатова, выраженной имъ печатно въ Рус. Ф. В. 1895 г., с. 288, но задолго до того высказывавшейся въ многочисленныхъ литографированныхъ курсахъ 70—80-хъ годовъ минувшаго столѣтія и въ печатномъ, хотя и не выпущенномъ въ свѣтъ курсѣ старослов. языка 1888 г., я долженъ напомнить, что мысль искать въ нашей формѣ индоевропейскую форму родит. пад. была нечужда и Шлейхеру еще въ 1852 г. (Compendium [3], 543, Formenlehre des kirchenslavischen Sprache, с. 234—235). Но если Шлейхеръ, сопоставляя стар. слов. влъка съ др. инд. vṛ́kasya, хотѣлъ непремѣнно при помощи фонетическихъ натяжекъ вывести праславянское *a* изъ *asja*, то онъ вызвалъ справедливое возраженіе со стороны Лескина (Decl. 30—31). Иначе поступилъ Фортунатовъ. Онъ предполагаетъ въ индоевроп. праязыкѣ рядомъ съ суффиксомъ *sia* суффиксъ *ia*, указаніе на который онъ видитъ и въ греческой формѣ аттич. λύκου=дорич. λύκω изъ болѣе древней λύκοο, представляющей по его мнѣнію правильное исчезновеніе i между гласными и отличной отъ гомеровской λύκοιο[1]), въ которой — οιο изъ—osio. Предположеніе Фортунатова суффиксальныхъ дублетовъ съ *s* и безъ *s* получаетъ подтвержденіе во многихъ другихъ случаяхъ: др. индійскому -*smin* въ окончаніи мѣстнаго ед. ч. tasmin соотвѣтствуетъ нашем-ъ въ томъ, -*smāi* въ оконч. дат. ед.=нашему -*moy*, въ суффиксѣ род. мн. мы имѣемъ при-*ām* въ именахъ -*sām* (Бругманъ, K. V. Gr. § 508, -*sōm*) въ мѣстоименіяхъ, въ суффиксѣ 2-го л ед. ч. настоящаго времени индоевропейскіе языки свидѣтельствуютъ о варіантахъ

[1]) Иначе объясняетъ эти формы Бругманъ, K. Vrgl. Gr. § 462, с. 382: онъ во всѣхъ греческихъ формахъ одинаково видитъ суффиксъ -sio. Между тѣмъ Богородицкій правильно различаетъ въ греческихъ формахъ суффиксы -io въ λύκου и т. п. и -sio въ λύκοιο (Склоненіе въ ар.-евр. яз., с. 30—31), при чемъ онъ напоминаетъ, что различеніе—io и—sio сдѣлано еще Бенфеемъ въ 1874 г. (Göttingen, Abhandl. der Ges. der Wiss. XIX).

-*si* и -*i* (послѣднее въ литовскомъ, греческомъ, частію въ старословянскомъ). Такимъ образомъ, наша форма род. ед. на *a* по Фортунатову отражаетъ индоевроп.—$\breve{a}^{o}$ *i* $\breve{a}^{o}$, въ которомъ первое $\breve{a}^{o}$=праслов. *o* есть конечный гласный основы, сочетаніе же $i\breve{a}^{o}$=*io* есть суффиксъ род. ед.; тотъ же суффиксъ $i\breve{a}^{o}$ предполагается не только греч., но и лит. формою vil̃ko, въ которой *o* получилось изъ прабалтійск. $\bar{a}^{o}$, а послѣднее изъ балт.-слов. $\breve{a}^{o}+\breve{a}^{o}$, между которыми исчезъ *i*; общеслов. (праслов.) *a* получилось совершенно такъ же изъ прасловянскаго $\bar{a}^{o}$, которое изъ $\breve{a}^{o}+\breve{a}^{o}$, между которыми *i* исчезло въ положеніи послѣ ударенія; соотвѣтствіе словянскому *a* литовскаго *o*, отражающаго обычно $\bar{a}$, между тѣмъ какъ изъ индоевроп. $\bar{a}^{o}$ въ литовскомъ *u* [1]), понятно лишь при условіи, что стяженіе $\breve{a}^{o}+\breve{a}^{o}$ совершилось уже по выдѣленіи, но вѣроятно еще до раздѣленія балтійско-словянской вѣтви: изъ $\breve{a}^{o}$ *i* $\breve{a}^{o}$ получилось на балтійско-словянской почвѣ по исчезновеніи *i* между гласными $\breve{a}^{o}+\breve{a}^{o}$ —▷ $\bar{a}^{o}$, откуда на словянской почвѣ—$\bar{a}$, на литовской—$\bar{o}$. И такъ, нѣтъ никакой необходимости отказываться отъ признанія въ нашей формѣ наслѣдницы старой формы род. ед. Съ другой стороны признаніе въ ней старой формы аблатива представляетъ нѣкоторыя затрудненія, несмотря на то, что это исповѣдывалось и исповѣдуется до сихъ поръ едва ли не большинствомъ лингвистовъ [2]). Дѣло

[1]) Впрочемъ сравн. Chr. Bartholomae (J. F. I, 303–305), принимающаго для праязыка два *o* : $\breve{a}^{o}$ и *o* и соотвѣтственно $\bar{\bar{a}}^{o}$ и $\bar{\bar{o}}$ (Фортунатовъ черезъ $\bar{a}^{o}$, $\bar{\bar{a}}^{o}$ означаетъ вообще то, что западные лингвисты означаютъ черезъ o, ō); по его мнѣнію, одно долгое *o* болѣе открытое=лит. ō, другое—закрытое=лит. u^{o}.

[2]) *Leskien*, Declin. (1876 г.) 34, 37; *Бодуэнъ-де-Куртенэ*, Изъ лекцій по латинской фонетикѣ (Воронежъ, 1893), с. 350; *Миклошичъ*, Vergl. Gr. I., (1879), 109; *H. Hirt*, J. F. I, 5, 24; Chr. Bartholomae, J. F. I, 305; *H. Pedersen*, Die Nasalpräsentia und der slav. Akzent, §§ 29 и 96 (K. Z. 1902, XVIII, с. 323 и 404); *Богородицкій*, Склоненіе въ аріо-европ. языкахъ (Казань, 1902), с. 36—37; *Brugmann*, K. Vergl. Gr. II (1903) L., § 462—463, с. 382—383.

въ томъ, что обыкновенно принимается для индоевропейской формы аблатива основъ на -$\overset{o}{a}$ (=*o*) окончаніе—$\overset{o}{a}d$ (т. е.—$\bar{o}d$, какъ обозначаютъ западные лингвисты), въ которомъ предполагается сліяніе конечнаго гласнаго основы—$\overset{o}{a}$ (=*o*) съ падежнымъ суффиксомъ—*ad* (съ *a* неизвѣстнаго [1]) качества и количества по Фортунатову). Такое—$\overset{o}{a}d = \bar{o}d$ принимается главнымъ образомъ на основаніи латинской формы аблатива на $\bar{o}d$ (Gnaivō*d*=позднѣйш. Gnae$\bar{o}$). Но если не принять мнѣнія *Малова* (Mahlow, Die langen Vokale 130 ff.), къ которому присоединились *Гиртъ* (J. F. I, 1892 г., с. 24) и *Педерсенъ* (K. Z. 1902 г., XVIII, с. 323 и 404), что здѣсь мы должны предположить и. е. $\overset{a}{a}d$ (=$\bar{a}d$), и что латинское—$\bar{o}d$ есть, какъ говоритъ Педерсенъ, легко понятное образованіе по аналогіи (ibid. 404), то является затрудненіе выводить какъ словянскую, такъ и литовскую Ф. vi$\tilde{\imath}$ko изъ формы и. е. аблатива, такъ какъ, по отпаденіи въ прабалтійскословянскую эпоху конечнаго *d*, изъ конечнаго $\bar{o}$ съ прерывистымъ качествомъ долготы («mit geschleifter intonation») получилось бы въ литовскомъ $\overset{o}{u}$, въ ст. словянскомъ ꙑ (сравн. akm$\tilde{u}$ и камꙑ съ лат. homō въ отличіе отъ греческихъ ἀρηγών, ἄχμων, указывающихъ на и. е. окончаніе $\overset{o}{a}n$ съ длительнымъ качествомъ долготы, см. лекціи Фортунатова по сравнит. фонетикѣ и. е. языковъ 1901—1902 г., с. 31—32). Но такъ какъ мнѣніе объ и. е.—$\bar{a}d$ въ окончаніи формы отложит. пад. ед. ч. основъ на $\overset{o}{a}$, предполагающее въ суффиксѣ этого падежа $\overset{a}{a}d$, а не $\overset{o}{a}d$ или $\overset{e}{a}d$ и затѣмъ стяженіе $\overset{o}{a}+\overset{a}{a}$ именно въ $\overset{a}{\bar{a}}$, а не $\overset{o}{\bar{a}}$, мало вѣроятно[2]) и во всякомъ случаѣ не доказано и принимается только въ угоду разбираемымъ нами литовской и сло-

[1]) Смотрите въ курсѣ 1901—1902 г. «Сравнительной фонетики», с. 40.

[2]) См. Brugmann, K. Vrgl. Gr. § 463, сноска 1; Фортунатовъ, хотя и не опредѣляетъ качества гласнаго суффикса, но въ результатѣ стяженія съ конечнымъ гласнымъ основы $\overset{o}{a}$ гласнаго $\breve{a}$ суффикса все таки видитъ $\overset{o}{\underline{a}}$ (Сравн. фонетика 1901/2 г., с. 40).

вянской формамъ род. ед., которыя изслѣдователи желаютъ непремѣнно вывести изъ формы и. е. аблатива, то пока нѣтъ возможности говорить и о томъ, что прасловянская форма вьл͡ка отражаетъ формы двухъ падежей, а приходится, вопреки Лескину, Бругману и другимъ лингвистамъ, говорить, что древняя форма род. ед. основъ на -ă̊ приняла у насъ наоборотъ функцію не только родит., но и отложительнаго пад.,—подобно тому, какъ это случилось съ формами род ед. другихъ основъ еще въ индоевроп. эпоху (Brugmann, K. Vgrl. Gr. § 463, с. 382). Только въ томъ случаѣ, если мнѣніе Бартоломе о двухъ праязычныхъ *о* и *ō* и о соотвѣтствіи литовскаго *о* не только праязычному *ā*, но и праязычному *ō* извѣстнаго качества будетъ доказано, можно будетъ со спокойной совѣстью принять мнѣніе о томъ, что прасловянская форма на *а* = лит. *о* есть форма отлож. пад. Но тогда я съ удовольствіемъ отмѣтилъ бы въ ней интересный фактъ совпаденія двухъ индоевроп. падежныхъ формъ, ибо мнѣніе Фортунатова о томъ, что мы здѣсь имѣемъ настоящую форму родит. п., еще не опровергнуто, и возраженія противъ него[1]) нельзя назвать убѣдительными, такъ какъ авторъ ихъ указываетъ на невозможность допущенія исчезновенія «междугласнаго» *i͡* въ «общеславянскія времена», между тѣмъ какъ мы предполагаемъ, что *i͡* исчезъ здѣсь (между гласными) еще ранѣе—въ эпоху балтійско-словянскую, а на почвѣ отдѣльной жизни словянской вѣтви языковъ произошло уже смѣшеніе въ одномъ звукѣ старыхъ *j* и *i͡* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *i͡* не исчезъ ранѣе[2]).

Много труда доставило изслѣдователямъ объясненіе формъ дат. ед. основъ на ă̊. Лескинъ (Declin. 57—58) написалъ нѣсколько страницъ, стараясь выяснить происхожденіе нашего—*оу* (*у*) въ ст. слов. ф. влькоу, селоу = рус. *волку*, *селу*, но все-

---

[1]) *В. А. Богородицкій*, Склоненіе въ аріо-европейскихъ яз., 36.

[2]) *Фортунатовъ*, Сравнительная фонетика индо-европ. яз. (1901—2 г.), с. 275. *Шахматовъ*, Изслѣдованія въ области русск. фонетики, с. 6—7.

таки объясненіе имъ этихъ формъ, какъ формъ мѣстнаго ед. основъ на ŭ, насъ не удовлетворяетъ и страдаетъ большими натяжками. Также нельзя одобрить и позднѣйшихъ мнѣній[1]) Бартоломе, Гирта и Штрейтберга, что здѣсь мы имѣемъ какое-то особое образованіе мѣстн. п. съ суффиксомъ - u, которое они видятъ въ греч. нарѣчіяхъ οὗ, ποῦ, ὁμοῦ и т. п. и ст. слов. *врѣхоу*, *долоу* и т. п., такъ какъ и это представляетъ натяжку, если не въ фонетическомъ, то въ семасіологическомъ отношеніи; то же слѣдуетъ сказать и о попыткѣ сблизить нашу форму съ др. в. нѣм. творит. *wolfu*, выводя её изъ - *ōu*[2]). Съ другой стороны можно пожалѣть, что изслѣдователи такъ рано отказались отъ естественнаго сближенія съ соотвѣтствующими формами дат. ед. основъ на - $\breve{o}\bar{a}$ въ греческомъ, др. индійскомъ и латинскомъ яз. Такое сближеніе и привело Фортунатова къ единственно вѣрному на мой взглядъ объясненію, теперь принимаемому и нѣкоторыми изъ западныхъ лингвистовъ[3]). А именно въ ст. слав. - *оу*, рус. - *у*, праслав. - *ū* формы дат. ед. разбираемыхъ основъ нужно видѣть правильное фонетическое развитіе индоевроп. дифтонга - $\breve{o}\bar{a}\breve{i}$, въ которомъ является сліяніе конечнаго гласнаго основы - $\breve{o}\bar{a}$ съ суффиксомъ дат. ед. - $a\breve{i}$ или $\partial\breve{i}$, который, какъ увидимъ, ясно обнаруживается въ склоненіи основъ на согласные звуки, при чемъ сліяніе должно быть отнесено ко времени индоевроп. праязыка, какъ это видно изъ формъ др. инд. —*āi* (только въ мѣстоименіяхъ —tasmāi=тому, а въ именахъ новообразованіе — *āya*), греч. — *ῳ*, лат. *ō*, литовск. — *ui* (λύκῳ, lupō, vil̃k*ui*). Древностью сліяніе объясняется прерывистое качество долготы («schleifender Ton», по выраженію западныхъ лингви-

---

[1]) J. F. I, 30, 31, 289.

[2]) *Brugmann*, Kurze vergl Gr. § 465, c. 383.

[3]) *Pedersen*, K. Z. (XX)XVIII, c. 324—325, справедливо возражаетъ Штрейтбергу, отрицающему возможность выводить —*оу* ст. слов языка изъ п. е. $\breve{o}\breve{a}\breve{i}$. Также Вондракъ выводитъ оу изъ $\bar{o}\breve{i}$, хотя для оправданія этого допускаетъ лишнія натяжки, смѣшивая окончанія —*оу* и ы (Altkirchensl. Gram. 51).

стовъ). Между тѣмъ какъ въ латинскомъ, а позднѣе и въ греческомъ яз. въ данномъ дифтонгѣ—ōi̯ (изъ и. евр.—ā̊i̯) совершилось полное преобладаніе первой слоговой части и исчезновеніе второй неслоговой, въ балтійско-словянской вѣтви произошло частію измѣненіе первой части при сохраненіи второй, частію измѣненіе дифтонга путемъ ассимиляціи второго элемента первому. Изъ балтійско-словянскаго - ōi̯ съ прерыв. долготой въ литовскомъ получилось - ui̯ и далѣе по сокращеніи въ конечномъ слогѣ *u*—дифтонгъ - *ui* съ восходящимъ тономъ, что̀ ясно изъ ударяемаго - *ui* въ нарѣчіи *paskuĩ* «послѣ» (I. F. I, 262). Но тѣ же лингвисты, которые соглашаются видѣть въ литовской формѣ наслѣдіе индоевропейской на ā̊i̯, все еще затрудняются (Гиртъ, Штрейтбергъ) признать таковое въ формѣ словянской, что̀ однако напрашивается само собою. Ходъ измѣненія—ōi̯ на словянской почвѣ могъ быть таковъ: — ōi̯—>ōü̯ —> ōu̯—>ŏu̯, откуда *ū*, старослов. *оу*, какъ изъ всякаго дифтонга ŏu̯ (Фортунатовъ, Сравн. фонетика, изд. 1901/2 г., с. 171—172), или, какъ предполагаетъ Педерсенъ (K. Z. XXXVIII, 325),—>ūi̯—>ūu̯, откуда ŏu черезъ посредство или ōu̯ (диссимиляція до сокращенія), или ŭu̯ (сокращеніе до диссимиляціи), а изъ ŏu̯, какъ сказано, праслов. *ū*, *u*, ст. сл. *оу*.

Въ ф. творит. ед. мы имѣемъ влько*мь*, гдѣ является сочетаніе основы на ă̊ = ŏ съ суффиксомъ — *мь*, извѣстнымъ въ формахъ склоненія лишь языкамъ балтійско-словянской и германской вѣтвей (Brugmann, K. Vergl. Gr. II, § 469). Старословянскій яз. въ большинствѣ памятниковъ имѣетъ гласный *о* передъ *мь*, въ согласіи съ языками сербскимъ и словѣнскимъ (вȣ̑ко*м*, róbo*m* и т. п.)[1]). Въ Маріинск., Ассеман., Клоц., Саввин. кн., листкахъ Ундольскаго только — *омь* (или *омъ*, Е. Ѳ. Карскій, Листки Ундольскаго, Спб. 1904, с. 25), въ Зографск. 4

[1]) *Флоринскій*, Лекціи по слав. яз. I, 294, 453, *Oblak*, Zur Geschichte der nominalen Declination im Slovenischen, Leipzig 1890, c. 57.

случ., Въ Син. псалт. 2, въ Молитв. 1 р., въ Супрасл.[1]) 13 р. —*ъм*—при подавляющемъ числѣ —*омь* (рѣже—*омъ*). Только въ Хиландарскихъ листкахъ сравнительно чаще встрѣчается—*ъмь* (4 р., изъ коихъ 2 при переносѣ), чѣмъ—*омь* (2 р.): образ*ъмь* I Вб 9—10, II Аа 16, II Аб 21, гоубительнъ|*мь* II Аб 12—13, етер*омь* I Вб 10, невѣдьств*омь* II Ва 7[2]), а въ незначительномъ по объему отрывкѣ Евангелія «Новгородскомъ» имѣемъ только *мурь*|*мь* (Срезневскій, Юсов. п. 167. 9—10, Scholvin, Declin. 14), хотя одинъ разъ и при переносѣ. Но гораздо важнѣе, что и Кіевскіе глаголическіе листки, гораздо бо̀льшіе по объему Хиландарскихъ, правильно употребляютъ въ словахъ муж. р.—*ъмь* (при нѣсколькихъ случаяхъ съ пропускомъ *ъ* въ оплат*мь* и *хмь* частію подъ титломь), 6 р. оплат*ъмь*, 1 разъ въсѫд*ъмь* и 1 разъ о́браз*ъмь*[3]), въ согласіи съ польскимъ, чешскимъ и русскимъ языками. Формы на—*омь́* слѣдуетъ, повидимому, признать правильными для основъ на - $\overset{o}{\breve{a}}$=ŏ, формы же—*ъмь*—явившимися подъ вліяніемъ формъ основъ на й. Но такъ какъ самое окончаніе - *мь* въ творит. ед. основъ на—$\overset{o}{\breve{a}}$ представляетъ общесловянское новообразованіе[4]), явившееся подъ вліяніемъ другихъ именъ (съ основами на первонач. —ĭ, —ŭ, согласн.) «неженскаго рода» (Фортунатовъ, Лекціи по сравнит. морфологіи 1897 г.), то представляется вопросомъ, какимъ образомъ передъ окончаніемъ - *мь* могло явиться - *о*, а не *ъ*, которое бы мы ожидали въ формѣ, образованной отъ основъ на и. е. *ŭ*=праслов. *ъ*. Не явилось ли *о* по аналогіи ф. дат. мн.?

---

[1]) *Scholvin*, Die Declination, s. 15, *Leskien*, Handbuch, § 63. Относит. Супрасл. рук. желательно новое изслѣдованіе въ виду новаго изданія *С. Северьянова* (Спб. 1904).

[2]) *С. М. Кульбакинъ*, Хиландарскіе листки, отрывокъ кирилловской письменности XI-го вѣка, Спб. 1898, с. 19.

[3]) *Н. К. Грунскій*, Памятники и вопросы древнеславянской письменности, Юрьевъ, вып. III (1904), с. 19, 34. Сравн. сказанное мною въ «Изслѣдованіи о яз. синод. сп. Новгор. лѣт.» (С.Пб. 1899), с. 55—57.

[4]) Это вѣроятно въ виду литовской формы *vilkù* изъ **vilk̄om* (Brugmann, K. Vrgl. Gr., § 471), не изъ **vilk̆ami*, при чемъ тотъ же суффиксъ, оканчивающійся на носовой (ā́m), мы имѣемъ въ основахъ на *ā*.

Во всякомъ случаѣ видѣть въ формѣ—*омь* первоначальную форму основъ на -*ŏ* можно было бы лишь при условіи ея появленія въ ту эпоху, когда бо̀льшая часть падежныхъ формъ еще обнаруживала конечный тематическій гласный *ŏ* передъ падежными суффиксами, т. е. до сліянія его со звуками этихъ суффиксовъ и послѣдовавшихъ затѣмъ дальнѣйшихъ измѣненій, а между тѣмъ эта эпоха кончилась значительно ранѣе выдѣленія праславянскаго языка, въ древнѣйшій періодъ жизни котораго только, быть можетъ, въ формѣ мѣстнаго ед. ч., о которой скажемъ сейчасъ, еще могъ слышаться звукъ *ŏ* передъ суффиксомъ *i*, въ новѣйшій же, предшествовавшій раздѣленію праславянскаго языка на отдѣльные славянскіе языки, уже должно было существовать то славянское дифтонгическое сочетаніе, въ которое измѣнилось всякое и. е. $\breve{\bar{a}}$, уцѣлѣвшее[1]) отъ предшествующаго періода и въ праслов. яз. какъ $\bar{e}$, и всякое праславянское $\bar{o}$, откуда далѣе также $\bar{e}$, образовавшееся въ переходное отъ древнѣйшаго въ новѣйшій періодъ время изъ дифтонга—$\breve{o}\breve{i}$ (изъ и. е.—$\breve{a}\breve{i}$ и—$\breve{a}\breve{u}$), а слѣдовательно и въ ф. мѣст. ед. уже не могло быть ясно различіе конечнаго гласнаго основы отъ гласнаго суффикса, давшихъ при сліяніи и дальнѣйшемъ измѣненіи новое звуковое сочетаніе, перешедшее затѣмъ во всѣ славянскіе языки со свойственными каждому оттѣнками и подвергшееся дальнѣйшимъ измѣненіямъ. Въ виду того, что ф. имен. вин. ед. ч. основъ на—$\breve{\bar{a}}$, вѣроятно, уже въ древнѣйшій періодъ жизни праславянскаго языка получила звукъ *ъ*, въ то время равнявшійся, вѣроятно, именно ирраціональному *ŭ*, которое слышалось и въ ф. имен. вин. ед. основъ на *ŭ*, т. е. **vьlkъ* и *sunъ* по окончанію совпали, то естественно было вновь образованной по аналогіи другихъ основъ формѣ получить звукъ *ъ* передъ—

---

[1]) Я разумѣю тѣ случаи, гдѣ $\bar{e}$ не подверглось измѣненію въ *a*, что, какъ извѣстно, имѣемъ послѣ смягченныхъ неслоговыхъ звуковъ. См. *Фортунатова* Лекціи по сравнительной фонетикѣ и. е. языковъ 1901—1902 г., с. 148.

мь, и возможно, что эта форма, засвидѣтельствованная частію, какъ мы видѣли, старословянскими памятниками и языками чешскимъ, польскимъ и русскимъ (за происхожденіе русскихъ бо́г*ом*, столо́*м* изъ прарусскихъ *бо́г*ъ*мь*, столъ́*мь* говорятъ не только древнерусскіе памятники, начиная съ Остромирова Еванг. и Миней 1095—1097 г., но и малорусскій языкъ, имѣющій окончаніе—*ом*, а не—*ім*, какъ бы должно было быть изъ первоначальнаго—*омь*), въ древнѣйшую эпоху была болѣе распространенной, и лишь подъ вліяніемъ частію формы дат. мн. на—*омъ*, частію звука *о* въ нѣкоторыхъ формахъ основъ на *й*, о чемъ ниже, могъ явиться звукъ *ŏ* и здѣсь, при чемъ эта послѣдняя звуковая форма въ нѣкоторыхъ словянскихъ языкахъ (южныхъ) стала единственной какъ для основъ на -*ŏ*, такъ и для основъ на—*ŭ*. Отсутствіе правильныхъ теоретически формъ на—*ъмь* въ твор. ед и—*ъмъ* въ дат. множ. отъ древнихъ основъ на *й* въ древнѣйшихъ старословянскихъ памятникахъ (только сы*номь*, сы*номъ*, см. у Лескина § 56) наводитъ на мысль, что звукъ—*о*—вмѣсто ожидаемаго—*ъ*—явился именно подъ вліяніемъ—*о*—въ формахъ—*ови*,—*ове*,—*овъ*..., и что рѣдкія формы на—*ъмь* отъ основъ на—*ŏ* въ старословянскихъ памятникахъ могутъ быть весьма поздними подъ вліяніемъ Ф. имен. вин. ед. ч., хотя такое объясненіе неумѣстно для формъ средняго р., какъ *божьствъмъ* (*ъ* конечное вмѣсто *ь*) въ Супрасльск. рукоп. (Лескинъ, § 63), польск. s*ł*owem, чешск. slovem и т. п., въ которыхъ происхожденіе *ъ* вм. *о* неясно.

Въ формѣ мѣстн. п. ед. ч. *вльцѣ* старосл. *ѣ* восходитъ къ праславянскому дифтонгическому сочетанію $\widehat{ie}$, которое, какъ ясно изъ измѣненія *к* въ *ц*, получилось здѣсь изъ болѣе древняго праславянскаго дифтонга—$\breve{o}\widehat{i}$ черезъ посредство моноѳтонговъ $\bar{o}$ и далѣе $\bar{e}$, а праслов.—$\breve{o}\widehat{i}$ восходитъ къ балт.-словянскому и далѣе къ и. е.—$\overset{o}{\breve{a}}\widehat{i}$, въ которомъ является сочетаніе конечнаго гласнаго основы—$\overset{o}{\breve{a}}$ съ суффиксомъ мѣстнаго п. ед. ч. *i*, ставшимъ неслоговымъ въ сочетаніи съ конечнымъ слоговымъ звукомъ основы (сравн. греч. οἴκοι «дома», лат. dom*ī*, др. инд.

vr̥kē, см. Brugmann, K. Vrgl. Gr., § 467). Того-же происхожденія *ъ* и въ ф. *селъ*.

Въ формѣ зват. ед. *вльче* является чистая основа, оканчивающаяся на прасл.—*ĕ*=и. е. *ă*, чередовавшееся въ и. е. праязыкѣ съ—*ă*=праслов. *ŏ* въ окончаніи основъ другихъ падежныхъ формъ (сравн. греч. λύκε, лат. lupe при имен. λύκος, lupus).

Въ ф. имен. вин. двойств. ч. *дъва влька* старосл. и праслов. *а* отражаетъ, какъ видимъ изъ сравненія съ греч. λύκω, θεώ, δύω, лат. amb*ō*, и. е. *ā*; сравн. др. инд. ведійск. vr̥kā при классич. vr̥kāu, *dvā*—daša «двѣнадцать» при dvāu. Какъ показываетъ удареніе греческаго θεώ, качество долготы здѣсь было длительное, откуда и понятно праслов. *а* изъ *ā*; на то же указываетъ и литовская форма vilkù (geru-ju) гдѣ—*ù* изъ первоначальнаго—*ū* черезъ посредство *ŭo* или *ŭ* (дифтонга *uo* съ нисходящимъ удареніемъ). Впрочемъ, кажется, возможно возводить не только литовское *u*=при сокращеніи въ конечномъ слогѣ *u*, какъ это сдѣлано еще Лескиномъ (Declin. 107) и Видеманомъ (Das litauische Präteritum, Strassburg 1889, s. 34), но и словянское *а*, какъ это повидимому склоненъ былъ предположить Фортунатовъ въ лекціяхъ по сравн. морфологіи 1897 г., къ и. е.—*āu*, которое мы имѣемъ въ санскритской формѣ, при чемъ въ такомъ случаѣ необходимо допустить, что въ дифтонгѣ *āu* съ длительнымъ характеромъ долготы неслоговая часть исчезла еще ранѣе сокращенія его въ конечномъ слогѣ, а изъ *ā* съ длит. долг. на словянской почвѣ получилось *а*, какъ въ литовскомъ *u*, *u*, въ отличіе отъ мнѣнія Видемана и Лескина, производившихъ литовское *u* прямо изъ—*ōu* (*āu*). Инд.-евр.—*ā* и—*āu* въ окончаніи ф. имен. вин. дв. ч., очевидно, не могутъ представлять результатъ стяженія конечнаго гласнаго основы съ какими либо начинающимися съ гласныхъ звуковъ суффиксами, напр. -*ă*, которое имѣемъ въ греч. основахъ на согласн. (κόν-ε, Brugm.

K. V. Gr. § 473), т. е. нельзя напр. думать, что и. е. окончаніе—$\overset{o}{\bar{a}}$ (греч. ώ, слов *a*) произошло изъ—$\overset{o}{\breve{a}}+\overset{e}{\breve{a}}$ (=ŏ+ĕ), такъ какъ при индоевропейскомъ стяженіи получалась долгота не длительная, а прерывистая (Schleifender Ton)[1]), и происхожденіе ихъ неясно. Весьма вѣроятно только въ виду «восходяще-нисходящаго» тона, что *ō* произошло изъ *ōu* (Sandhi, Hirt, Ind. Akz. 118). Штрейтбергъ (J. F. III, 375) приписываетъ доказательство бо́льшей первоначальности—*ōu* остроумію Мерингера (K. Z. 28, 233 и B. B. XVI, 228), усмотрѣвшаго здѣсь первонач. ф. имен. ед. основы на *ou* со значеніемъ парности.

Въ ф. род. мѣстн. дв. ч. мы имѣемъ окончаніе—*oy*, являющееся въ старослов. яз. одинаково и въ склоненіи другихъ основъ: влькоу какъ рꙑбоу, каменоу. Въ древнеиндійскомъ мы имѣемъ соотвѣтственно—ōs, которое присоединялось прямо къ основамъ на согласный звукъ, а къ основамъ на гласн. $\overset{o}{\breve{a}}$ и ā помощію элемента i͡, передъ которымъ *ā* сокращалось: çúṇōṣ̌, но vŕkayōṣ̌, въ чемъ нельзя не видѣть вліянія мѣстоименій (táyōṣ̌=старослов. тою). Такъ какъ слов.—*oy* можетъ восходить и къ и. е. *ăus* и къ и. е.—ău͡ (качество *a* неизвѣстно, но ясно лишь, что здѣсь не $\overset{e}{\breve{a}}$), при чемъ на первое указываетъ др. инд. яз., на второе—литовскія формы *pusiaũ*=по значенію и формѣ ст. слов. меж*доу* (*pùse* «половина»), *dviėjau dviėjaus* «вдвоемъ» (по указанію Зубатаго J. F. VIII, 214...), то Бругманъ (K. V. Gr. § 476) считаетъ именно—ou͡ (качество и. е. *ă* здѣсь Бругманъ склоненъ признать=именно *o*) индоевроп. окончаніемъ мѣстнаго п. дв. ч., принимая притомъ въ формѣ род. дв. прибавку *s* по образцу род. ед.

Въ ф. дат. творит. *влькома* является присоединеніе къ основѣ на—ŏ (—и. е. $\overset{o}{\breve{a}}$) общаго для всѣхъ основъ окончанія—

---

[1]) На происхожденіе и. е. «нисходяще-восходящаго» тона въ конечныхъ слогахъ изъ стяженія и «восходяще-нисходящаго» путемъ «органическаго» удлиненія давно уже указалъ Гиртъ (J. F. I, 1892, s. 10, Der indogerm. Akzent, 1895, s. 112, § 89).

ма, точнаго соотвѣтствія которому мы въ родственныхъ языкахъ не находимъ (литовскія *vilkám* дат. и *vilkam̃* твор. различаются удареніемъ, но обѣ формы несомнѣнно указываютъ на отпаденіе въ концѣ какого-то гласнаго) [1]). Во всякомъ случаѣ наше—*ма* представляетъ какое-то новообразованіе по своему конечному гласному. Если въ литовскихъ формахъ отпалъ гласный *а*, то это *а* не можетъ восходить къ *ā* (балтійско-слов. $\overset{o}{a}$=литовск. *о*) и равняться старослов. *а*, вопреки мнѣнію Видемана (Handbuch, 52).

Переходимъ къ формамъ множественнаго ч. тѣхъ-же основъ. Въ формѣ имен. мн. ч. *вльци*, какъ ясно изъ измѣненія *к* въ *ц*, старословянское и общесловянское (прасловянское) і (и) получилось изъ ѣ (т. е. $\widehat{ie}$) съ прерывистой долготой, при чемъ это праслов. $\widehat{ie}$ явилось въ позднѣйшую эпоху жизни прасловянскаго языка черезъ посредство $\bar{o}$ и далѣе $\bar{e}$ изъ древнѣйшаго прасловянскаго $\breve{o}i$, восходящаго къ балтійско-словянскому и индоевропейск. $\overset{o}{a}\widehat{i}$. Такимъ образомъ, появленіе разбираемаго *і* (и) относится къ $\widehat{\text{концу}}$ позднѣйшей эпохи прасловянскаго языка, такъ какъ необходимо предполагаетъ уже существованіе того прасловянскаго звукосочетанія, которое на основаніи многихъ явленій общаго словянскаго языка, наилучше обнаруживаемыхъ языкомъ старословянскимъ, не можетъ быть отнесено къ эпохѣ древнѣйшей. Замѣчу, что во взглядѣ на прасловянскіе звуки ѣ и находящійся съ нимъ въ генетической связи *і* указаннаго происхожденія, какъ и на большинство явленій прасловянской фонетики, я всецѣло проникаюсь мыслями академика Фортунатова [2]), дающими возможность дать столь ясную и строй-

---

[1]) Сравн. *Brugmann*, Grundriss II, 649; *Wiedemann*, Handbuch der lit. Sprache (Strassburg, 1897), 52. Различіе ударенія въ ф. дат. и твор. мн. ч. Бругманъ приписываетъ аналогіи множ. ч.

[2]) Возраженія противъ взгляда Фортунатова и Бернекера на праслов. *ѣ*, какъ на $\widehat{ie}$, приводимыя Педерсеномъ (K. Z. 38, 329), мнѣ кажутся основанными на недоразумѣніи: Педерсенъ указываетъ на отсутствіе іотаціи *ѣ* въ бо́льшей части новыхъ словянскихъ языковъ («in den meisten modernen

ную картину послѣдовательныхъ звуковыхъ измѣненій прасловянскаго языка; я отступаю отъ мнѣній Фортунатова пока въ одномъ: принимая вмѣстѣ съ нимъ «звуковое сочетаніе одного слога» *i͡e*, я не вижу основанія считать его именно дифтонгомъ i͡e (Сравн. фонетика изд. 1902 г., с. 148), т. е. съ второй неслоговой частью, и думаю, что послѣднее условіе могло колебаться по діалектамъ; исторія словянскихъ нарѣчій, мнѣ кажется, не даетъ права предполагать неслоговой характеръ именно второй части прасловянскаго дифтонгическаго сочетанія *ie*, и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. польское и болгарское, напротивъ могли-бы дать доказательства того, что слоговой характеръ былъ присущъ именно второй части. Это прасловянское *i͡e*, которое получилось въ извѣстную эпоху какъ изъ основного *ē*, такъ и изъ первонач. *o͡i*, въ зависимости отъ качества основныхъ *ē* и *o͡i* имѣло разное качество долготы——то «*длительное*» (съ непрерывнымъ протяженіемъ обѣихъ составныхъ частей), то «*прерывистое*» (съ распаденіемъ звука или звукосочетанія на части, см. Р. Ф В. 1895, с. 294). Между тѣмъ какъ внутри словъ сочетаніе *ie* какъ «длительное», такъ и «прерывистое» удерживалось въ словянскихъ языкахъ, лишь теряя долготу или сохраняя её различно въ разныхъ языкахъ, сохраняющихъ вообще разницу между долгими и краткими слогами, а именно, между тѣмъ какъ въ сербскомъ языкѣ внутри словъ является долгимъ наслѣдіе стараго *ie* съ прерывистой долготой, краткимъ—съ длительной, въ чешскомъ наоборотъ,——въ концѣ словъ уже въ прасловянскомъ яз. сохранилось во всѣхъ діалектахъ лишь то *ie*, которое имѣло «длительную» долготу, т. е. *ī͡e*, а *ie* съ «прерывистой» долготой, т. е. *î͡e*, измѣнилось въ *ī*, откуда старослов. и

---

slav. sprachen ist *ě* nicht mehr präjotirt»...), но предположеніе *i͡e* не обязываетъ насъ ожидать іотаціи въ новыхъ словянскихъ языкахъ, ибо *i* въ сочетаніи *i͡e* лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обращалось въ *j* (такой рѣдкій случай представляетъ напр. южносербское произношеніе сочетаній съ *ѣ* со старой длительной долготой или восходящимъ удареніемъ, гдѣ, какъ извѣстно, въ сербскомъ является краткость: *дје̏ло* или по черногорско-герцоговински *ђе̏ло*).

(Фортунатовъ, ibid. 148), при чемъ процессъ измѣненія односложного сочетанія *ĭe* или *îe* я бы могъ себѣ представить такъ, что вторая часть сочетанія становилась ирраціональной и постепенно исчезала или ассимилировалась первой и совершенно сливалась съ ней; возможно, что здѣсь вторая часть была и *слабѣе* первой, т. е именно была неслоговой, такъ что здѣсь именно былъ предполагаемый Фортунатовымъ дифтонгъ i̯e. Примѣры такого и въ старослов. языкѣ мы имѣемъ какъ изъ основного *ē*, такъ и изъ основного oi̯: 1) мати, дѣшти, сравн. литовск. mótē̃, duktē̃; 2) бери, вльци, сравн. греческ. φέροις, λύκοι. Сравненіе съ греческими формами приводитъ къ заключенію, что длительная долгота получалась въ праслов. *ie* изъ oi̯ именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дифтонгъ oi̯ полученъ былъ изъ общеиндоевропейскихъ дифтонговъ съ *долгою неслоговою частью*, а прерывистая тамъ, гдѣ oi̯ былъ полученъ изъ дифтонговъ съ *краткой неслоговой частью* (Фортунатовъ, ibid. 148—149, 158): греч. οἶκοι (ф. мѣстн. ед. ч.) и οἶκοι (ф. именит. множ. ч.). Такимъ образомъ, разница между формою мѣстн. ед. (см. выше) и имен. мн. ч. заключается въ томъ, что въ первой праслов. *ie* было съ длит. кач. долготы и потому удержалось въ конечномъ слогѣ, во второй—съ прерыв. кач. долготы и потому измѣнилось въ *i*=ст. сл. и, а причина разницы сводится къ указанной разницѣ индоевроп. дифтонговъ, при чемъ, слѣдовательно, ясно, что въ формѣ имен. множ. мы имѣемъ въ окончаніи краткій неслоговой *i*, а въ формѣ мѣстн. ед. ч.—долгій неслоговой *i*.

Въ формѣ род. множ. ч. мы имѣемъ во всѣхъ основахъ въ старослов. яз. восходящее къ праславянскому яз. окончаніе *ъ*, замѣняемое послѣ смягченныхъ согласныхъ правильно черезъ *ь*, послѣ i̯ черезъ и: влькъ, селъ, женъ, сынов-ъ, матеръ, камень, врѣмень, словесъ, мжжь, доушь, краи, змии... Это *ъ* получилось непосредственно изъ *й*, которое изъ *й* назалированнаго, а послѣднее изъ *йn*, явившагося благодаря сокращенію всякаго долгаго гласнаго [1]) въ закрытомъ слогѣ передъ носовымъ соглас-

[1]) *Фортунатовъ*, Сравнит. фонетика 1902 г., стр. 219—220.

нымъ или вообще въ дифтонгическомъ сочетаніи и въ дифтонгѣ изъ *ūn*, гдѣ *ū* изъ *ō* съ прерывистой долготой къ конечномъ слогѣ, а *n* изъ *m* [1]). Сравните съ одной стороны греческ. *ων*, др. инд. *ām*, съ другой—латинск. *um*, литовск. *ū* Въ основахъ на -*ă̊* праязычное окончаніе-*ā̊m* получилось изъ сочетанія конечнаго гласнаго основы съ суффиксомъ *ā̊m*, долгота гласнаго котораго явствуетъ изъ др. индійскихъ и греческихъ формъ другихъ основъ. «Прерывистая» или «нисходящая» долгота доказывается греческимъ облеченнымъ и литовскимъ восходящимъ удареніемъ: греч. не только *χωρῶν* изъ **χωράων* (**χωράσων*), *θεῶν* изъ—*όων*, но и *ἀνδρῶν*, *βοῶν*, *ποδῶν* и т. п., литовск. vilk*ū̃*, merg*ū̃* и т. д. Эта «прерывистая» или по Гирту «нисходяще—восходящая» долгота указываетъ на сокращеніе двухъ слоговъ въ одинъ (Hirt, Indog. Akz., 115) и здѣсь получалась путемъ стяженія конечнаго гласнаго основы съ суффиксальнымъ окончаніемъ -*ă̊m* или -*ā̊m*, и весьма вѣроятно, что, какъ это допустилъ и Штрейтбергъ (J. F. I, 289), здѣсь было первоначально окончаніемъ именно предположенное еще Остгофомъ -*ă̊m*, которое, однако, было вытѣснено еще въ индоевроп. праязыкѣ у всѣхъ основъ окончаніемъ-*ā̊m̃*, возникшимъ благодаря стяженію въ формахъ основъ на *ă̊* и *ā* еще въ индоевроп. эпоху. Такимъ образомъ, можетъ быть, вовсе излишне допускать суффиксъ—*ā̊m* въ склоненіи основъ на *ă̊* и *ā*, а слѣдуетъ наоборотъ считать образованіе—*ā̊m̃* въ этихъ основахъ (по

---

[1]) Иначе представляютъ ходъ развитія *Streitberg* (J. F. I, 283): -*ō m̃* > праслов. -*ō ñ* > -*o ñ* > -*ъn* > -*ъ*, *Гиртъ* (Der indogermanische Akzent, 88): «—*ō̃ m* сократилось въ *om*, откуда далѣе возникло *ъ*, если оно было безъ ударенія», также *Бругманъ* (K. Vergl. Gr. I, 279—280, § 362): «Gen. Pl. vlъ*къ* aus *on*, uridg.—*ō m̃*: gr. θεῶν.». Сравн. впрочемъ и болѣе раннее мнѣніе Фортунатова (Лекціи по фонетикѣ ст. сл. яз., 1888 г., с. 185). Ранѣе *Маловъ* (Die langen Vocale 88) выводилъ *ъ* изъ неудар. *ō m*, *Остгофъ* изъ и. е.—*ŏm*, какъ первонач. окончанія основъ на согласн. (Streitberg, J. F. I, 259).

крайней мѣрѣ въ основ. на $\overset{o}{\breve{a}}$) изъ стяженія столь древнимъ, что оно стало общимъ для всѣхъ основъ. Во всякомъ случаѣ, словянское *ъ* не требуетъ для своего объясненія предположенія сохраненія стараго окончанія—$\overset{o}{\breve{a}}$m.

Въ формѣ дат. множ. мы имѣемъ вль*комъ*, гдѣ является присоединеніе къ основѣ на $\overset{o}{\breve{a}}$, какъ и къ другимъ основамъ (на *ā*, *ŭ*, *ĭ*), въ примѣрахъ *женамъ*, *сы*нъмъ*, кос*тьмъ*, пѫтьмъ, окончанія *мъ*, восходящаго, какъ это доказалъ Фортунатовъ («Удареніе въ прусскомъ яз.», с. 15 отдѣльн. отт. Русскаго Филолог. Вѣстника 1895 г.), къ —*m$\overset{o}{\breve{a}}$s* (также къ —*mos* возводятъ слов —*мъ* и прусск.—*mas* Гиртъ J F. II, 316, и Бернекеръ, Die preussische Sprache, 1896, с. 195—196), при чемъ *ъ* объясняется изъ *ŏ* въ конечномъ закрытомъ слогѣ, какъ и въ имен. ед. вль*къ* и въ ф. 1 л. мн. ч. наст. врем. на—*мъ* [1]). Наше—*мъ* вполнѣ соотвѣтствуетъ литовскому — *ms*: vilká*ms*, которое изъ основного —m*a*s, а не—m*u*s, такъ какъ *u* въ литовскомъ не выпадаетъ, какъ это уже по указанію Лескина замѣчено Бернекеромъ (Die preuss. Spr. ibid.).

Въ формѣ винит. множ.—*ы* является отраженіемъ *ū* изъ *ŭ* назалированнаго, которое получилось черезъ посредство *u*ns изъ первоначальнаго—*on*s (изъ—$\overset{o}{\breve{a}}$*ns*), и слѣдоват. заключаетъ въ себѣ сочетаніе конечнаго гласнаго основы съ суффиксомъ винит. мн. ч.—*ns*.

Иначе объясняется ы въ формѣ творит. множ. ч. Здѣсь ы, которое Бругманъ (K. V. Gr. § 492, с. 398) и Богородицкій (Склоненіе въ аріо-европейскихъ яз., с. 69) считаютъ неяснымъ, а Гиртъ (D. indogerm. Akz., 88) объясняетъ изъ—$\overset{\prime}{\bar{o}}$*m* (по замѣчанію Бругмана, «unrichtig») [2]), видя здѣсь тотъ же суффиксъ, что̀ и въ первоначальной формѣ творит. ед. ч., сохра-

---

[1]) См. объ этомъ еще въ «Лекціяхъ по фонетикѣ старослав. языка» Фортунатова 1888 г., с. 184.

[2]) Сравн. и замѣчанія Педерсена (D. Nasalpräsentia, K. Z. 38. с. 325, § 31), справедливо указавшаго, что — $\overline{o}$ *m* съ нисход. тономъ даетъ *ъ*, съ восходящимъ—ą (назалиров. *o*, старосл. ѫ).

нившійся въ ед. ч. въ основахъ женск. рода на *ā*, другіе (*Фортунатовъ*, *Іогансонъ*, *Педерсенъ*) продолжаютъ вслѣдъ за *Лескиномъ* возводить къ тому же индоевропейскому окончанію, которое мы видимъ въ др. индійскомъ vŕ̥kāiṣ̌, греч. λύκοις, латинск. lupīs, литовск. vilkaĩs. Между этими послѣдними учеными въ частностяхъ объясненій, однако, оказываются значительныя различія, которыя заключаются какъ въ построеніи исходной индоевропейской формы, такъ и въ самомъ ходѣ развитія. Еще въ 1876 г. Лескинъ (Declin. 103), производя наше *ъі* изъ *āis*, допускалъ, что *āi* не было здѣсь дифтонгомъ, а было=сочетанію *ā*—*i* съ зіяніемъ, откуда далѣе съ развитіемъ іотаціи * *ājis*, съ сокращеніемъ *ā* измѣнявшееся въ *ājis*——> *ŭjĭ* ——> *yjĭ* (т. е. —ъ-и ——> ъі-и, подобно въіинѫ, въінѫ изъ *въ*-инѫ «semper»). Основная мысль Лескина о двуслоговомъ сочетаніи—āis была исходною точкой въ объясненіи Фортунатова, хотя въ настоящее время мы, конечно, не можемъ согласиться съ частностями объясненія Лескина: намъ непонятнымъ и произвольнымъ кажется сокращеніе *ā* въ *ă* и измѣненіе *ă* въ *ŭ*, т. е. въ *ъ*. Напротивъ въ объясненіяхъ *Іогансона*, *Вондрака*, *Педерсена* предполагается дифтонгъ -*ōis* (съ «нисходящимъ тономъ», Johansson, B. B. XX, 101, цитирую по Гирту, D. idg. Akz. 89). Вондракъ (Altkirchensl. Gram. 1900, c. 58) говоритъ, что *i* исчезло, какъ это часто случается въ дифтонгахъ съ долгимъ слоговымъ звукомъ, а изъ *ōs* получилось *ъі* черезъ посредство *ūs*. Pedersen (K. Z. XXXVIII, 325) предполагаетъ измѣненіе—*ōis* съ нисходящимъ («schleifend») тономъ въ *ūis*——> *ūu͡s* ——> *ūs*, откуда *ъі*; разницу въ измѣненіи—ō͡i въ ф. дат. ед и—ō͡is въ ф. твор. мн ч. Педерсенъ объясняетъ тѣмъ, что въ ф. дат. ед. —ō͡i измѣнялось въ—*ū͡i*, ——> *ŭu͡*, откуда диссимиляціей *ōu͡*, сократившееся въ—*ŏu͡* (см. выше стр. 12), или—*ŭu͡* ——>*ŏu͡* и т. д., въ ф же твор. мн. *u͡* въ окончаніи—*ūu͡s* исчезло безслѣдно. Ф. Ѳ. Фортунатовъ (Лекціи по сравнит. морфологіи 1897 г.), какъ сказано, исходитъ изъ предположенія двуслогового сочетанія съ тою существенною разницею отъ мнѣнія Лескина, что въ древ-

неинд. — *ais* изъ — *āis* онъ подполагаетъ то *ā*, которое изъ индоевр. *ă̊* въ открытомъ слогѣ внутри слова, а именно онъ исходитъ изъ индоевр.—*ă̊his*, гдѣ—*ă̊*—конечный гласный основы, —*his* суффиксъ твор. п. мн. ч., при чемъ индо-иранское *ā* образовалось здѣсь еще тогда, когда сохранялось придыханіе между гласными. Въ балтійско словянскомъ это двуслоговое *ă̊-is* съ утратою придыханія между гласными измѣнялось затѣмъ различно: въ литовскомъ отсюда явилось однослоговое—*ais* съ восходящимъ тономъ (обычно соотвѣтствующимъ балтійско-словянской и прасловянской «прерывистой» долготѣ)[1]), въ прасловянскомъ черезъ посредство—*oĭs* (двуслог.) и—*uĭs* далѣе—*uus*—*ūs*, откуда *ы*. Самый трудный пунктъ объясненія—измѣненіе *o* передъ закрытымъ гласнымъ другого слога въ болѣе закрытый звукъ *u*; лишь это одно представляется недоказаннымъ и можетъ вызывать возраженіе; остальное не представляетъ большихъ трудностей, будемъ ли мы выводить прасловянское и старослов. *ꙑ* прямо изъ *ŭis*, что̀ возможно, если примемъ весьма вѣроятное мнѣніе проф. Томсона [2]) о дифтонгическомъ характерѣ праслов.

---

[1]) Въ греческомъ имѣемъ облеченное удареніе (θεοῖς), указывающее на долготу дифтонга, что̀ не гармонируетъ съ предположеніемъ «прерывистой» долготы (сравн. съ одной стороны ἴσθμοῖ, οἶκοι и наше—вльцѣ, съ другой—οἶκοι, ἄνθρωποι и наше вльци), но вообще «schleifender Ton» Гирта не всегда соотвѣтствуетъ словянской прерывистой долготѣ Фортунатова. Сравн. «Объ удареніи и долготѣ въ балтійскихъ яз.» Фортунатова, с. 41—45 (Р. Ф. В. 1895 г., с. 292—296) съ одной стороны и стр. 114—115 труда Гирта «Der indogermanische Akzent», вышедшаго въ томъ-же (1895) году. Позволю себѣ предположить, не указываетъ ли греч.—οῖς, подобно -οῖ мѣстнаго ед. ч., на то, что суффиксальное *i* здѣсь было долгимъ; въ такомъ случаѣ, при слияніи uĭ въ одинъ слогъ, здѣсь должна была напротивъ явиться прасловянская «длительная» долгота.

[2]) Фонетическіе этюды I—III (Варшава, 1905), с. 47 и слѣд. Если принять, что сочет. *u̯* i s, можетъ быть, именно u i̯ s, обращаясь въ дифтонгъ съ краткимъ *u* и долгимъ *i*, въ такомъ же или нѣсколько измѣненномъ, но во всякомъ случаѣ дифтонгическомъ, видѣ переходило въ прасловянскій языкъ, гдѣ фонетически совпало потомъ съ новымъ словянскимъ дифтонгомъ, образовавшимся изъ и. е. и б. сл. *u̯* и получившимъ въ старословянской азбукѣ обозначеніе въ буквѣ ꙑ, то все-таки является неяснымъ, какой же изъ

и старословянскаго *ѣ*, или изъ *ūs*, полученнаго указаннымъ путемъ. Что окончаніе *ѣ* въ творит. мн. не только старословянское, но и общесловянское и прасловянское, доказывается существованіемъ формъ твор. мн. на *ы* (л. б. *y*) въ древнерусскомъ (*Соболевскій*, Лекціи по исторіи рус. яз., изд. 1903 г., с. 175—176, 288), старопольскомъ (*Миклошичъ*, Vergl. Gr. III, 411), чешскомъ (*Миклошичъ*, V. Gr. III. 336, *Флоринскій*, Лекціи по сл. яз. II, 122), старосербскомъ (*Флоринскій*, Лекціи I, 289), до сихъ поръ (съ обычною замѣною *ы* черезъ *і*) въ словѣнскомъ (ibid. 453) и въ качествѣ рѣдкихъ архаизмовъ въ русскомъ и польскомъ.

Въ окончаніи—*ѣхъ* мѣстн. п. мн. ч. вльцѣхъ, селѣхъ мы имѣемъ вѣрное отраженіе той же формы, что̀ и въ древнеинд. vr̥kēšu, греч. λύκοισι, т. е. и. е. суффиксъ *su* (при—*si* въ греч. яз.), являющійся и въ склоненіи всѣхъ другихъ основъ (жена-*хъ*, др. инд. áçvāsu, трьхъ=др. инд. tr̥išú, греч. τρισί и т. д.), присоединялся помощію какого-то элемента *і* мѣстоименнаго происхожденія (Brugmann, K. V. Gr. с. 395, § 489, сравн. тѣхъ=др. инд. tḗšu, ib. § 509) къ окончанію основы *ā̆*, а изъ—*ăi*= праслов. *oi* получается правильно. *ѣ*, передъ которымъ *к*, *г*, *х*, какъ и въ ф. мѣстн. ед. и имен. мн., измѣняются въ *ц*, *з*, *с*. Въ литовск. ф. vilkùsè является новообразованіе какъ въ глас-

---

двухъ составныхъ элементовъ этого дифтонга былъ слоговымъ,—*u̯* или *i̯*, или было колебаніе въ зависимости отъ сопутствующихъ согласныхъ и отъ діалектическихъ особенностей говорящихъ, или наконецъ оба элемента были равными по силѣ. Вопросъ остается открытымъ и во всякомъ случаѣ находится въ связи съ общимъ вопросомъ о звуковомъ характерѣ прасловянскаго *y* (лат. б. означ. ст. сл. *ъі*, рус. *ы*). О возможности дифтонговъ съ обѣими слоговыми частями и существованіи такихъ въ языкахъ литовскомъ и лотышскомъ и вообще о различныхъ способахъ произношенія двогласныхъ въ разныхъ языкахъ говоритъ Ѳ. Е. Коршъ въ обширномъ изслѣдованіи «Двогласныя въ древнегреческомъ яз. съ физіологической точки зрѣнія» (Сборникъ статей, посвященныхъ.. Ф. Ѳ. Фортунатову, Варшава, 1902, с. 281—348).

номъ основы $\overset{o}{u}$, происхожденіе котораго неясно, такъ и въ суффиксѣ—*se*, въ которомъ *e*, вѣроятно, подъ вліяніемъ окончанія мѣстнаго ед. ч (vilkè), о которомъ придется сказать ниже въ связи съ извѣстными словянскими окончаніями мѣстн. п. ед. ч. другихъ основъ, подобно тому, какъ въ греческомъ—*σι* вмѣсто ожидаемаго υ является ι, можетъ быть, подъ вліяніемъ окончанія *i* въ ед. ч. (Brugmann ibid.); впрочемъ греч. *σι* при—*σιν* остается неяснымъ, такъ какъ—*si* изъ—*su͡i* не доказано.

Въ основахъ на $\overset{o}{\breve{a}}$=*o* средняго рода мы имѣемъ слѣдующія отличія. 1) Въ ф. имен. вин. дв. ч. сел*ѣ*, изѣ мы имѣемъ тотъ и. е. дифтонгъ—$\overset{o}{\breve{a}}$i͡, который и въ др. инд. yugé (Brugmann, K. V. Gr. 388, § 474). Возможно, что здѣсь, въ виду длительности тона прасловянскаго двоегласнаго *i͡e*, является соединеніе конечнаго гласнаго основы—*o* съ суффиксомъ имен. вин. дв. ч. *ī*, указаніе на который имѣемъ въ формахъ дв. ч. ср. р. основъ на согласные звуки: др. инд. dhā́mnī, mánasī, ст. слов. имен*и*, тѣлес*и* (Brugm., ib. 389, Фортунатовъ, Лекціи по сравнит. морфологіи 1897 г.). 2) Въ ф. им. вин. множ. ч. сел*а*, иг*а* является *a* изъ и. е. *ā*: др. инд. yugā́ Это *ā*, съ которымъ чередовалось —*ə* (неопредѣл. гласный) въ склоненіи основъ на согласн. зв (др. инд. bhárant*i*, греч. γένεα, Brugm., K. V. Gr. 393), отражается въ старослов. ѧ, лат. *a* изъ ā не только въ формахъ основъ на и. е.—$\overset{o}{\breve{a}}$, но и основъ на согласные звуки: имен*а* словес*а*, лат. nomin*a*, gener*a*, при чемъ остается неизвѣстнымъ, перенесено ли это *ā* по аналогіи, или отражаетъ діалектическое индоевроп. *ā* въ этихъ основахъ. По мнѣнію Бругмана (K. V. Gr. § 435, s. 355) окончаніе *ā* имен. вин. мн. есть по своему происхожденію окончаніе имен. ед. женск р. съ собират. знач., подобно употребленію въ значеніи множ. ч. старослов братриꙗ, братиꙗ, др рус. *господа* и наконецъ распространенію окончанія *a* въ имен. и частію вин. (въ именахъ неодушевл.) множ. ч. въ новомъ русскомъ литературномъ языкѣ.

Параллельно съ формами основъ на—$\breve{a}$=слов. $\breve{o}$ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о формахъ соотвѣтствующихъ имъ словянскихъ основъ на $i\breve{o}$ (изъ индоевр. $i\breve{a}$).

Различіе въ формахъ сравнительно съ разобранными выше основами здѣсь объясняется частію дѣйствіемъ извѣстныхъ фонетическихъ законовъ, т. е. вліяніемъ i, обращавшагося на словянской почвѣ [1]) послѣ согласныхъ звуковъ въ *j*, а послѣ гласныхъ являвшагося въ качествѣ i, частію тѣмъ, что здѣсь сильнѣе, чѣмъ въ основахъ на—$\breve{o}$, сказывается вліяніе [2]) формъ основъ на $\breve{u}$, а кромѣ того и основъ на $\breve{\imath}$.

Относительно перваго отличія слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь мы замѣчаемъ правильное соотвѣтствіе гласныхъ *ь* (и), *е*, и, ѧ, сочетаній ѫ, *ю* (=jü или iü) гласнымъ *ъ*, *о*, *ѣ*, *ъі*, ѧ, *оу*: им. вин. ед. и род. мн. *врачь*, конь, змии, род. ед. и им. вин. дв. ч. коня (глагол. конѣ), змиа, дат. и зват. ед. и род. мѣстн. дв. ч. коню, змию, твор ед. и дат. мн. врачемь, —мъ, конемь, —мъ, змиемь, —емъ, мѣстн ед., им. мн и тв. мн. врачи, кони, змии, мѣст. мн. врачихъ, конихъ, змиихъ, вин. мн. врача, коня, змиа. Только послѣ согласныхъ *ч*, *ж*, *ш*, *щ* и даже *ѕ*, часто въ памятникахъ замѣняемому буквою *з* въ зависимости отъ діалектическихъ особенностей писца (Leskien, Handbuch § 31, 3) въ большинствѣ текстовъ преобладаютъ написанія ѧ, въ нѣкоторыхъ текстахъ и *оу* вмѣсто ожидаемыхъ и встрѣчающихся изрѣдка ѫ (ѣ), *ю* (сравн Лескина, ib. § 31, 4): врача, врачоу, мѫжа и т. п. при мѫжю въ Маріинск. и Зографск. Ев (Марк X, 2, Лук. XIX, 7) [3]), при чемъ—*ю* вообще встрѣчается въ «паннонскихъ» памятникахъ послѣ шипящихъ и *щ* чаще, чѣмъ ѫ (глаголич. ѣ); можно сказать даже, что послѣ

---

[1]) *Шахматовъ*, Къ исторіи звуковъ русскаго языка, I (оттискъ изъ I тома 1896 г. «Извѣстій 2 го отдѣл. Академіи Наукъ»), с. 3—4.

[2]) *Scholvin*, Die Declination in den pannon.—sloven. Denkmälern...., s. 11—18.

[3]) См. изданія ак. Ягича и его словарь къ Маріинскому Евангелію.

этихъ согласныхъ обыкновенно пишутся *ю* и *а* при очень рѣдкомъ *ѣ* (*Фортунатовъ*, Лекціи по фонетикѣ старославянскаго яз., 1888 г., с. 17), вслѣдствіе чего въ написаніяхъ *жю*, *чю*, *цю*, вѣроятно, выражалось не мягкое произношеніе этихъ согласныхъ передъ звукомъ u, а сочетаніе ихъ съ звукомъ, отличнымъ отъ u, «вѣроятно извѣстнаго рода *ü*» (ibid. стр. 13, 50).

Указанныя соотвѣтствія объясняются правильнымъ дѣйствіемъ праславянскихъ звуковыхъ законовъ. Какъ *ъ* восходитъ къ краткому u, явившемуся въ праславянскомъ яз. въ конечномъ закрытомъ слогѣ изъ *ŏ* (индоевр и балтійско-слов.—*ă̊*) и въ конечномъ слогѣ изъ основного—*ōm* (—*ām*) съ прерывистой долготой, такъ *ь*—къ сочетанію *ĭй*, получившемуся въ праславянскомъ изъ—*ĭ͡ŏs*, *ĭ͡ōm* и—*ĭ͡ōm* съ прерыв. долготою, при чемъ процессъ измѣненія *ĭ͡й* въ *ь* могъ быть такой, что *й* послѣ *і* измѣнялось въ *ĭ*, откуда становится понятнымъ появленіе звука *і* (и старослов. памятниковъ) вмѣсто *ь* въ положеніи въ началѣ словъ или послѣ гласныхъ вообще изъ всякаго праславянскаго *і й* какъ изъ основного индоевр. *ĭ͡й*, такъ и изъ основного и. е. —*ĭ͡ă̊*. Какъ всякое *о* послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ измѣнялось въ *е*, такъ и здѣсь *е* является въ тѣхъ же формахъ, что и *о*, т. е. въ Ф. твор ед., тв. и дат. дв., дат. мн. ч. Если *о* являлось измѣненнымъ въ *е*, мы, принимая мнѣніе Фортунатова, что дифтонгъ *ŏ͡ĭ* измѣнился въ монофтонгъ *ō̆* и затѣмъ *ē̆*, откуда далѣе праславянскій дифтонгъ *ĭ͡е*, въ позднѣйшую эпоху жизни праславянскаго языка,—гораздо позднѣе измѣненій гласныхъ задняго ряда въ гласные передняго ряда въ положеніи послѣ смягченныхъ неслоговыхъ звуковъ,—въ правѣ ожидать, что вмѣсто—*ŏ͡і* должно было явиться—*ĕ͡і*, откуда въ эпоху монофтонгизаціи *ī* и далѣе *і* (старослов. и). И дѣйствительно, въ формахъ мѣстн. ед и мн. ч. соотвѣтственно *ъ* «твердыхъ» основъ на—*ŏ* мы имѣемъ и въ упомянутыхъ выше *кон͡и*, *кон͡их͡ъ* и т. д. Конечно, если мы не примемъ указанной преемственности звуковыхъ измѣненій праславянскаго языка, намъ будетъ

непонятно, почему въ старословянскомъ языкѣ является при смягченіи или іотаціи вмѣсто *ѣ* въ однихъ случаяхъ и, въ другихъ ıа, а, почему напр. съ одной стороны рабѣхъ чередуется съ конихъ, берѣте съ глаголите, съ другой — *сънѣсти* съ ıасти, несѣахъ съ ношаахъ и т. п. Ясно, что нельзя говорить о различномъ измѣненіи одного и того же звука (*ѣ*) въ зависимости отъ его происхожденія, ибо говорящій не могъ сознавать этимологической разницы въ томъ и другомъ случаѣ; различіе измѣненія одного и того же звука при тожественныхъ условіяхъ возможно было бы лишь въ томъ случаѣ, если-бы можно было допустить образованіе этого звука въ разныя эпохи, когда дѣйствовали разные звуковые законы, изъ разныхъ праязычныхъ звуковыхъ категорій, т. е. если-бы напр. *ѣ* въ рабѣхъ еще не образовалось въ ту эпоху, когда уже было *ѣ* въ сънѣсти, видѣти, несѣахъ и т. п.[1]). Я не отрицаю, что такая точка зрѣнія возможна, особенно для тѣхъ, кто желаетъ въ прасловянскомъ *ѣ* предполагать монофтонгъ,—не болѣе, какъ особаго рода $\bar{e}$; въ такомъ случаѣ, конечно, возможно, что индоевроп. $\bar{e}$ (т. е. $\breve{\bar{a}}$) уже обратилось, не переставая быть монофтонгомъ, въ словянскій звукъ *ѣ* въ то время, когда еще индоевроп. дифтонги $\breve{a}i$ и $\breve{a}i$ сохраняли свой характеръ въ прасловянскомъ дифтонгѣ $\breve{o}i$, а что позднѣе и этотъ дифтонгъ далъ *монофтонгъ точь въ точь такой-же*, какъ ранѣе образовавшійся словянскій продолжатель индоевроп. $\breve{\bar{a}}$. При этомъ предположеніи необходимо допустить все-таки то, что *ѣ*, существовавшее раньше обращенія прасловянскихъ дифтонговъ въ монофтонги, уже обратилось въ *а* въ положеніи послѣ смягченныхъ неслоговыхъ звуковъ также ра-

[1]) Тоже слѣдствіе вытекаетъ и изъ разсмотрѣнія законовъ «словянскаго палатализма»—древнѣйшаго (č) и новѣйшаго (c), см. въ статьѣ акад. И. В. Ягича «Einige Streitfragen», 6 (Archiv f. slav. Philologie B. XXIII, s. 126—127).

нѣе [1]), чѣмъ наступила эпоха образованія такого же *ѣ* изъ дифтонга ŏi͡, такъ какъ это второе *ѣ* обратилось въ положеніи послѣ смягч. зв. уже не въ *а*, а въ *і*. Слѣдовательно, и при этомъ предположеніи является необходимымъ различать, если не самые звуки *ѣ*, то эпохи ихъ измѣненій при однихъ и тѣхъ же внѣшнихъ условіяхъ въ разные звуки. Но если такое различіе измѣненій одного звука и кажется возможнымъ, при различеніи эпохъ, то спрашивается, вѣроятно ли и естественно ли оно. Какая необходимость принимать образованіе праславянскаго *ѣ* не въ одну, а въ двѣ эпохи? И гдѣ доказательства въ пользу такого мнѣнія? Не естественнѣе ли принять, что звука *ѣ*, что̀ бы мы подъ этимъ названіемъ ни разумѣли (дифтонгъ, или монофтонгъ извѣстнаго качества и количества), еще и не было въ ту отдаленную эпоху, когда уже предрѣшилось то звуковое различіе, которое мы наблюдаемъ въ приведенныхъ выше примѣрахъ изъ старословянскаго языка, указывающихъ, какъ ясно изъ сравненія съ другими слов. языками, на то, что это различіе восходитъ къ эпохѣ праславянской? Не яснѣе-ли становятся указанныя въ примѣрахъ отношенія, если *а* въ но*шаа*хъ (относительно ꙗсти въ виду ꙗ въ ꙗзва нельзя сказать рѣшительно) мы выводимъ прямо изъ *ē* послѣ смягченнаго согласнаго (š изъ si͡) въ ту же эпоху, когда получилось *а* изъ *ē* и послѣ тѣхъ š, ž, č, которые получались въ праслов. яз. изъ *x*, *g*, *k* вообще передъ гласными передняго ряда (*e*, *ē*, *i* и т. п.), а и въ кон͡*и*хъ изъ дифтонга ei͡, въ который обращался дифтонгъ oi͡ въ положеніи послѣ смягчен. звуковъ?

Подобно соотвѣтствію звука і мягкихъ основъ звуку *ѣ* твердыхъ въ извѣстныхъ падежныхъ формахъ мы имѣемъ соотвѣтствіе звука і въ другихъ формахъ звуку *у* (ꙑ), а именно

---

[1]) Сравн. замѣчаніе проф. Богородицкаго въ «Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку» (Казань, 1901). с. 192.

въ формѣ твор. мн. ч. кон͡и, при чемъ здѣсь ст. слов. и (праслов. ī) получилось изъ двуслогового сочетанія-i͡ois черезъ посредство-i͡ŭis и далѣе i͡ĭis, откуда i͡īs (см. выше); это соотвѣтствіе и—ꙑ совершенно аналогично соотвѣтствію и—ꙑ въ ш*и*ти—мꙑти, въ которыхъ и восходитъ къ основному i͡u, ꙑ—къ основному *ū* [1]).

Точно также ѧ въ формѣ вин. мн. ч. кон͡ѧ правильно соотвѣтствуетъ звуку ꙑ формы влькъı, при чемъ, какъ ꙑ изъ первоначальнаго—ons черезъ посредство назалированнаго *ū*, такъ и ѧ (назалиров. *е*) изъ первоначальнаго—i͡ons черезъ посредство i͡*un*s и далѣе i͡ūs (назалир.). Особенность формъ древнерусск., польскихъ и чешскихъ сравнительно съ старословянскими давно уже привлекла вниманіе изслѣдователей. Наиболѣе вѣроятное объясненіе соотвѣтствій старословянскаго ѧ древнерусскому *ѣ* въ этихъ формахъ мы изложимъ далѣе при разборѣ такихъ-же формъ основъ на i͡ā.

Соотвѣтствіе *ю*—*оу* при существованіи соотвѣтствія ѥ (е)—*о* всего естественнѣе объясняется праславянскимъ измѣненіемъ—ŏu въ положеніи послѣ смягченныхъ звуковъ въ—eu, откуда i͡u (*Фортунатовъ*, Лекціи 1888 г., с. 134).

Что касается тѣхъ особенностей склоненія разбираемыхъ основъ, которые обусловлены дѣйствіемъ морфологической аналогіи, то здѣсь вліяніе основъ на ŭ сказывается, въ отличіе отъ формъ ранѣе разобранныхъ первоначальныхъ основъ на—*ă* (*о*), въ постоянномъ употребленіи формы зват. ед. на *ю* (*оу*), вліяніе

---

[1]) *Фортунатовъ*. Лекціи по фон. ст. сл. яз. 1888 г., с. 141. Замѣчу, что звукъ *у* (*ы*) въ ф. твор. мн. ч., праслов. *ȳ* (употребляю лат. б. для извѣстн. слов. звука), Фортунатовъ выводитъ изъ праслов.—u, какъ и въ другихъ случаяхъ, и слѣдов. признаетъ стяженіе здѣсь ŭ и ĭ въ u, а потому и *ī* въ ф. тв. мн. мягкихъ основъ выводитъ не изъ i͡iis, а изъ i͡ūs (ibid. 80, 133).

основъ на ŭ и ĭ - въ употребленіи *ь* вмѣсто ожидаемаго *е* передъ окончаніями *мь* и *мъ* твор. ед. и дат. мн. ч. (*отьцьмь*, *отьцьмъ* Супрасл., Leskien, Handbuch, § 64) и въ рѣдкомъ случаѣ род. мн. на—*ей* изъ —*ьй* (*врачеи* Ассем., см. ib.). Изрѣдка встрѣчающіеся примѣры твор. мн. на—*ми*, какъ въ Супр. рук. въпльми, указывающіе на то же вліяніе другихъ основъ, наоборотъ представлены сравнительно бо̀льшимъ числомъ примѣровъ отъ основъ на—*ŏ* (грѣхъми, даръми и др. въ Клоц., Супр. и Молитв., Лескинъ, ib. § 63). Изъ всѣхъ этихъ морфологическихъ новообразованій самымъ древнимъ является форма зват. ед., такъ какъ она въ старослов. языкѣ является единственной въ разбираемыхъ основахъ, вытѣснившей правильное праслов. окончаніе *ь*[1]).

II. *Основы на а* (*ā*) *и* ꙗ (*i͡ā*)[2]).

Здѣсь окончаніе имен. п. ед. ч. рефлектируетъ индоевропейское *ā* (*ā*^{a}), откуда прасловянское *ā*=стар. сл. а; окончаніе-же зват. ед. ч. *о* (послѣ смягченныхъ звуковъ=*е* по извѣстному закону праслов. языка)—старое краткое *а*. Въ формѣ вин. ед. ѫ (праслов. назалированное *о*) получилось изъ стараго *ām* черезъ посредство *ą̆*^{o} (*Фортунатовъ*, Лекціи 1888 г., с. 158). Это *ą* получилось ранѣе измѣненія *о* въ *е* послѣ смягч согласн. (а потому мы имѣемъ форму землѭ).

---

[1]) Эта утрата древняго образованія зват. на индоевр.—*ā*^{c} въ положеніи послѣ мягкаго зв., по мнѣнію Фортунатова, объясняется совпаденіемъ формъ зват. и имен. ед. благодаря фонетич. измѣненію еще въ балт.-слов. яз. сочетаній *ĭ ĕ* и *i͡ĕ* въ *ĭ ĭ* и *i͡ ĭ*, откуда слов. ь. Хотя въ именахъ на первон.—jă^{o}, -jă^{e} такого совпаденія не было, но такъ какъ ихъ было немного, они поддались вліянію основъ на *i͡ă*^{o} - *i͡ă*^{e} (Лекціи печ. 1888, с. 106).

[2]) О происхожденіи склоненія индоевроп. основъ на ā см. новѣйшую статью Коллица (H. Collitz) въ B. B. XXIX, II—III H. (1905), s. 81—114.

Въ формѣ мѣстн. ед. *ѣ* отражаетъ правильно дифтонгъ *ā i̯* индоевр. праязыка, заключающій въ себѣ сочетаніе конечн. гл. основы съ суффиксомъ мѣстн. пад. ед. ч. Сократившееся āi̯, т. е. *ăi̯*, на словянской почвѣ давало *oi̯* (изъ балтійско-слов. *ă̊i̯*), а дифтонгъ oi̯, въ данномъ случаѣ съ длительной долготой, въ извѣстную эпоху жизни праслов. языка давалъ тотъ же звукъ, который получался съ теченіемъ времени изъ индоевр. и прасловянскаго *ē*, т. е. *ѣ* (дифтонг. сочетаніе *i͡e*), которое здѣсь, какъ и въ мѣстномъ пад. ед. ч. основъ на *o*, не измѣнялось въ *i* именно вслѣдствіе длительнаго характера произношенія (iē), не дававшаго перевѣса первому элементу дифтонгическаго сочетанія.

Понятно, что передъ этимъ *ѣ*, какъ и передъ *ѣ* разобранной выше формы мѣстн. основъ на ă̊ и передъ *ѣ* формы дат. пад. ед. ч., задненебные звуки измѣнялись въ ć (*ц*), dź (*ѕ*), ś (*с*), сочетанія *sk*, *zg* въ sć (*сц*) и *zd͡ź* (въ ст. слов. неизвѣстно), откуда *st* (*ст*) и *zd* (*зд*) (см. Leskien, § 31): рѫ*цѣ*, но*ѕѣ*, *снѕсѣ*, дъ*сцѣ* и дъ*стѣ*, дрѧ*здѣ*....., сравн. лит. дат. ran̄k*ai*, mer̄g*ai* [1]).

Форма дат. ед. представляетъ *ѣ* тоже изъ сократившагося въ праслов. яз. дифтонга—*āi̯*, въ которомъ заключается конечн. гласн. основы и суффиксъ дат. пад. *ai̯* или вѣрнѣе *əi̯* (см. ниже), при чемъ балт. слов āi̯ можетъ восходить и къ тому оконч., которое имѣемъ въ др. инд. ayāi (см. лекціи Фортунатова 1897).

Въ имен. вин. двойств. ч. *ѣ* восходитъ также къ дифтонгу *ai̯*=общеслов. *oi̯*, какъ и въ мѣстномъ единств. ч.: рѫцѣ.

---

[1]) *Kurschat*, Gram. der littauischen Sprache, § 582. Что касается литовскихъ формъ мѣстн. ед. ran̄koje и т. п., то онѣ представляютъ новообразованіе, т. е. извѣстную прибавку частицы *e* къ старой формѣ мѣстн. ед.

Понятно, что послѣ смягченныхъ звуковъ вмѣсто *ѣ* является во всѣхъ этихъ формахъ *i* (*u*) изъ праслов *ei* вм. прасл. oi̯: доуши, земли̑ и т п. (ср выше объ основ. на ŏ).

Форма твор. пад. ед. ч.—оѭ (или еѭ) представляетъ праслов. новообразованіе по мѣстоименному склоненію (ср. Миклошича V. Gr. III, 28), гдѣ тоѭ образовано не отъ основы *ta*, а отъ основы *toi̯a* (сравн. род. ед. тоѩ). Встрѣчающееся въ памятникахъ (особенно часто въ Супрасл. сб., гдѣ *36*-ѫ на 274 примѣра -оѭ, -еѭ, см Лескина грам. § 59) простое ѫ едва-ли представляетъ остатокъ старины и есть скорѣе результатъ новаго стяженія (сравн. формы горѫѭ, правъдѫѭ въ Син. Псалт., нѫждѫѭ, рѫкѫѭ въ Супр. рук. Леск. § 59), такого же, какое необходимо предполагаютъ формы отдѣльныхъ словянскихъ языковъ: польск. ręką, żoną при вин. ед. rękę, żonę, чешск. rukou, ženou изъ др. чешск. rukū, ženū; это различіе въ окончаніи вин. и твор. ед. въ польскомъ и чешскомъ языкахъ ясно указываетъ на то, что общеслов. праязыкъ зналъ именно форму -оѭ, такъ какъ, если-бы въ прасловянскомъ яз. формы и вин. и твор. пад. ед. имѣли одинаково ѫ, въ творит. отличавшееся лишь качествомъ долготы, то въ рефлексахъ западнословянскихъ языковъ разницы бы не было, ибо всѣ старые долгіе гласные въ западно-и южнословянскихъ яз. сократились въ конечныхъ открытыхъ слогахъ (см. *Lorenz*, Archiv f. sl. Phil. XIX, 135, 144, *С. М. Кульбакинъ*, Къ исторіи и діалектологіи польскаго яз., 142—143).

Еше яснѣе на общеслов. -оѭ указыв. языки русскій (великорус. *-ой*, малорус. *-ою* и *-оў*), словацкій (-ou̯), сербскій (старосербск. *-ов*, которое въ памятникахъ пишется *овь*, Флоринскій, Лекціи, I, 291). Хорватское (чакавское діалектич. и старо-далматинское) u и словѣнское *o* представляютъ результатъ стяженія (сравн. *Oblak*, Zur Geschichte der nominalen Declination im Sloven. 187), начавшагося, можетъ быть, еще въ говорахъ праслов яз. Такимъ образомъ, если въ древнѣйшую эпоху прасловянскаго яз. и существовала форма на ѫ(ą), слѣдовъ ея въ

старослов. яз. съ увѣренностью нельзя найти. Но еще Миклошичъ (V. Gr. III, 28) признавалъ ст. сл. ф. на ѫ древнѣйшею; тоже повидимому Бругманъ (K. V. Gr. 387), предполагающій прабалт. ф.* ronkám, и Фортунатовъ (Лекціи 1897 г.); обратно Коллицъ В. В. XXIX, 112.

Изъ остальныхъ формъ стоитъ остановиться только на родит. ед. и имен. винит. мн. ч. на ꙑ при ѧ послѣ смягченныхъ согласныхъ. Чередованіе съ ѧ ясно указываетъ на генетическую связь ꙑ съ назалированнымъ гласнымъ, но яснымъ происхожденіе ꙑ и ѧ является только въ формѣ винит. мн., гдѣ ꙑ непосредственно изъ *u̯s*, а *u̯s* изъ *uns*, которое изъ *-ons*, праславянское же *-ons* въ данномъ случаѣ восходитъ не прямо къ индо-европ. *-ans*, а къ балт.-слов. новообразованію *-ā̊ns*, сократившемуся въ *-ā̊ns*, гдѣ ā̊ изъ и. е. *ā* (ср. др. инд. áçvās, греч. τῑμάνς и τῑμᾱ́ς, литовск. rankàs, Br. K. V. Gr. s. 392, Kurschat § 582, Фортунатовъ Лекціи 1888 г., 169)

Что касается ѧ формы вин. мн. мягкихъ основъ, то оно аналогично такому же ѧ въ окончаніи мягкихъ основъ на *o*, т. е. на индоевр. iā̊ (см. выше): земл͡ѧ, доушѧ, какъ мѫжѧ, кон͡ѧ, змиѧ и т п., при чемъ и ꙑ въ женꙑ вполнѣ гармонируетъ съ ꙑ въ рабꙑ, такъ какъ *-ans* и *-ons* въ оконч. винит. мн. тѣхъ и другихъ основъ въ общеслов. одинаково давало *-ons*. По объясненію Фортунатова, ѧ въ доушѧ и мѫжѧ явилось непосредственно изъ i͡ę, которое получилось изъ ü̯ черезъ посредство ö̯, ę̄ⁱ (Лекціи въ печатн. изд. 1888 г., с. 168), т. е. здѣсь являлось носовое *ѣ*, которое въ однихъ говорахъ праслов. языка (откуда во всѣхъ южнословянскихъ языкахъ) перешло въ носовое *е*, т. е. ѧ, въ другихъ въ чистое *ѣ* (языки русскій, польскій и чешскій); на такое различіе указываютъ формы на *ѣ* древнерусскихъ памятниковъ, на которыя обращали вниманіе уже 24 года тому назадъ акад. *Соболевскій* («Изслѣдованія въ области русской грамматики» 1881 г., с. 1—39) и другіе, фор-

мы старопольскія и новопольскія на 'e (ziemie) и т. п., формы старочешскія. Соболевскій первый обратилъ на нихъ серьезное вниманіе; Фортунатову принадлежитъ честь точнаго лингвистическаго объясненія ихъ. Такимъ образомъ, происхожденіе окончаній вин. мн. для насъ ясно.

Труднѣе объяснить, какимъ образомъ формы съ тѣми-же окончаніями ѣ и ѧ (ѧ) являются въ значеніи падеж. имен. мн. и родит. ед. основъ на ā и iā.

Здѣсь указывали между прочимъ на необходимость дифференцировать окончаніе имен. ед ч. отъ оконч. род. ед. и имен. мн. Дѣйствительно, если-бы формы имен. мн. и род. ед., которыя, какъ показываютъ языки литовскій и древнеиндійскій, должны были дать въ праслов. языкѣ одну звуковую форму (литовск. ranko̍s, др. инд. оконч. -āyās въ род. ед. и ās въ им. и вин. мн.), удержали старину, онѣ въ звукахъ совпали-бы въ общеслов. яз. съ формою имен. ед. ч., такъ какъ ās (изъ ās и изъ āiās) дало-бы на словянской почвѣ a.

Естественно, что форма имен. мн. приняла окончаніе формы вин. множ., такъ какъ формы имен. и вин. ед. уже во многихъ типахъ склоненія совпадали; но такъ какъ форма род. ед. уже въ прасловянскую эпоху совпала также съ формою имен. мн. ч. въ типахъ склоненія нѣкоторыхъ основъ (свекръве, камене), то естественно, что послѣдняя увлекла её за собою.

Эти предположенія кажутся мнѣ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ предположеніе чешскаго ученаго проф. *Зубатаго* о томъ, что въ ф. р. ед. ст. сл. мы имѣемъ основу на n (Über gewisse Genitivendungen des Lettischen, Slav. u. Altind. 1897, Prag, s. 23) и наоборотъ въ формахъ др. русскаго, старо-польскаго и чешскаго яз. съ оконч. на праслов. ѣ—отраженіе правильныхъ формъ род. ед. съ окончаніемъ на индоевр. iās (земль изъ *zemiās), при чемъ предполагается, что и. е. iā обратилось въ праслов. ѣ (Archiv f. sl. Phil XV, 499), также болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ новѣйшія мнѣнія *Вондрака*

(«K výkladu některých padů slovanské deklinace», Сборникъ статей по славяновѣдѣнію подъ ред. орд. ак. В. И. Ламанскаго, в. I, СПб. 1904 г., с. 187), что ы въ Ф. род. ед изъ праславянскаго *ōs*, которое изъ *ās*, а *ъ* изъ *ē*, явившагося благодаря перегласовкѣ изъ *ō* послѣ мягкаго согласнаго, и *Г. А. Ильинскаго* (Изборникъ Кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому 1904 г., с. 164), видящаго въ словянской формѣ род. ед основъ на *ā* «контаминацію» окончаній род. ед. и вин. ед. (**rankāms* вслѣдствіе взаимнаго вліянія **rankām* и **rankās*). Всѣ эти объясненія, мнѣ кажется, требуютъ гораздо больше натяжекъ какъ фонетическаго, такъ и морфологическаго свойства: проф. Зубатому приходится предполагать новаго происхожденія *ъ* (кромѣ принимаемыхъ всѣми изъ *ē* и изъ o͡i), Вондраку—измѣненіе *ās* въ *ōs* (въ концѣ словъ), Ильинскому — маловѣроятное смѣшеніе въ одной формѣ двухъ.

Остальныя формы не требуютъ особыхъ объясненій: окончанія *-мъ*, *-ми*, *-ма*, *-хъ* прибавляются къ чистой основѣ въ сильномъ видѣ—на *-ā*, т. е. общеслов. *a*, какъ и въ склоненіи основъ на *ĭ* и *ŭ*, съ тою разницею, что въ послѣднихъ является передъ этими окончаніями слабый видъ основы—на *ĭ*, *ŭ*, т. е. *ь*, *ъ*, а не сильный на *ei*, o͡u, т. е. общесл. *i* (*u*). Тоже и въ литовскомъ (*o*) и др. индійск. (*ā*) языкахъ.

III. *Склоненіе основъ на ŭ и ĭ.*

Склоненіе тѣхъ и другихъ основъ имѣетъ много общаго между собою, на что давно уже обращалось вниманіе изслѣдователями (сравн. *Leskien* Declin. 26—27, 76, 77 и др., а въ русской литературѣ статью проф. *Р. Ѳ. Брандта* въ Р. Ф. В. 1883 г., IX, с. 221—230, и маленькую замѣтку *А. Сухanова*[1]) въ «Филологическихъ запискахъ» 1891 г.).

[1]) Псевдонимъ *А. А. Григорьева*, бывшаго преподавателя русск. языка Одесской 4-й, а въ настоящее время Севастопольской гимназіи. А. А. Гри-

Въ общемъ здѣсь являются въ индоевропейскомъ праязыкѣ окончанія падежей или тожественныя, или близко родственныя съ окончаніями, являющимися въ склоненіи основъ на согласные звуки, между прочими и въ тѣхъ падежныхъ формахъ, въ которыхъ основы на $\breve{a}$ и частію $\bar{a}$ представляютъ въ большинствѣ индоевроп. языковъ слѣды вліянія мѣстоименнаго склоненія.

Въ основахъ на $\breve{u}$, чередовавшихся въ косвенныхъ падежахъ съ основами на дифтонгъ $\breve{a}\breve{u}$, который въ балтійско-словянскомъ яз. замѣнился дифтонгомъ $\bar{a}\breve{u}$, откуда литовск. $a\breve{u}$, а словянск. u (ст. словянск. *оу*) изъ $o\breve{u}$ въ конечныхъ слогахъ и *ov* (*ов-*) передъ гласными, отмѣтимъ слѣдующія формы:

1) Формы именит. и винит. ед. ч. правильно оканчиваются на *ъ*, отражающее индоевроп. *ŭs* и *ŭm*, при чемъ произошло полное совпаденіе по формѣ съ основами на *ŏ* (*сынъ*, *волъ* такъ же, какъ *вълкъ*, *рабъ*). Такимъ образомъ, здѣсь является основа въ слабомъ видѣ съ присоединеніемъ падежныхъ суффиксовъ *s* и *m*. Такая же слабая основа, т. е. на *ŭ*, а не на дифтонгъ, является въ падежахъ творит. един. ч., дат. множ., твор. и мѣстн. множ. и дат. твор. двойств. ч.: *сынъмь. *сынъмъ, сынъми (чинъми), мѣстн дарѣхъ, дат. тв дв. ч. сынъма, при чемъ я отличаю звѣздочками тѣ формы, вмѣсто которыхъ Лескинъ ставитъ въ парадигмахъ формы -омь, -омъ.

Дѣло въ томъ, что идеальный, первоначальный типъ склоненія основъ на *ŭ* не сохранился, а подвергся такому сильному вліянію основъ на *ŏ*, оказавъ въ свою очередь нѣкоторое вліяніе на эти послѣднія, что мы теперь затрудняемся опредѣлить, какія существительныя имена первоначально принадлежали къ

горьевъ, ученикъ акад. И. В. Ягича, окончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ въ 1886 г. и много занимался изученіемъ словянскихъ языковъ, въ 1887—1888 гг. пользуясь указаніями Харьковскихъ профессоровъ А. А. Потебни и М. С. Дринова.

этому типу склоненія, т. е. унаслѣдовали отъ праязыка въ окончаніи основы гл. *й*. Мы опредѣляемъ это частію по сравненію съ родственными языками (литовск. *sūnùs*=наше сынъ, лит. *vir̃sùs*=стар. слов. врьхъ), частію по употребленію тѣхъ падежныхъ формъ основъ на *й*, которыя всего рѣже переносились по аналогіи въ основы на *ŏ* (сравн. у Лескина въ грамматикѣ § 57).

Вслѣдствіе смѣшенія двухъ типовъ склоненія, рѣзко различавшихся между собою по причинѣ исконнаго различія въ праязыкѣ самыхъ основъ въ ихъ окончаніяхъ, въ праславянскомъ яз. явились формы твор. ед. на -ъмь, т. е. якобы правильныя образованія этого пад. съ суффиксомъ -мь отъ основъ на *й*, въ тѣхъ именахъ, основы которыхъ первоначально оканчивались на -$\overset{o}{a}$ Образованія съ суффиксомъ -мь (балт. слов. *mi*) отъ основъ на *й* должны были существовать еще въ эпоху балтійско-словянскую, какъ это видно изъ существованія такихъ образованій въ литовскомъ яз. (sūnimì). Но на словянской почвѣ, уже въ говорахъ праславянскаго яз., должно было произойти указанное выше (въ главѣ 1-й) распространеніе цѣлаго окончанія—*ими*, что̀ на словянской почвѣ было уже—ъмь, на ту группу словъ, которая происходила отъ индоевроп. основъ на $\overset{o}{a}$=слов. *ŏ*. Съ другой стороны уже въ говорахъ праславянскаго яз., по аналогіи звука *о* въ нѣкоторыхъ формахъ первоначальныхъ основъ на *й*/$\overset{\frown}{ou}$, а именно передъ *в*, при чемъ *ов* восходитъ къ балтійско-словянскому $\overset{o}{a}\overset{\frown}{u}$ въ окончаніи основы, тотъ-же звукъ *о* замѣнилъ и здѣсь предполагаемый этимологіею болѣе древній звукъ ъ (см. выше въ первой главѣ). Так. обр. одни говоры праславянскаго языка получили въ обоихъ типахъ склоненія (первоначальныхъ основъ на $\overset{o}{a}$ и *й*)—звукъ ъ, другіе—звукъ *о*. Этимъ объясняется, почему полякъ и чехъ говорятъ не только synem, но и bogiem [1]), stołem, bohem и т. п., а сербъ не только

[1]) Вопреки мнѣнію проф. *А. Л. Погодина* и акад. *А. И. Соболевскаго*, я не вижу основанія предполагать въ словѣ *богъ* основу на *з* (т. е. *й*?). См.

бо̀гом, сто̀лом, но и сѝном, и почему въ старослов. памятникахъ мы не находимъ иной формы отъ старыхъ основъ на *й*, кромѣ формы на *-омь*, *-омъ* (съ фонетич. измѣненіемъ *ь* въ *ъ*), напр. Зогр.[1]) сно̀мь л. 211 б, Мар. л. 125 б и Саввин.[2]) сно̀мъ (Лук. XXI, 36), Син. Молитв. сно̀мь (Lang, Jazykověděcký rozbor Euchologia Sinajského, II, 8). Такимъ образомъ отдѣльнымъ случаямъ *-ѣмь* въ старослов. памятникахъ мы никакъ не можемъ придавать значенія бо̀льшей старины, и они даютъ лишь указаніе на существованіе подобныхъ формъ, независимо отъ этимологіи словъ, въ которыхъ встрѣчаются, діалектически и въ области южнословянскихъ языковъ.

Тѣмъ-же вліяніемъ аналогіи звука *о* въ формахъ на *-ове* (имен. множ.), *-ови* (дат. ед.), *-овъ* (род. мн.) объясняется, почему и въ Ф. дат. мн. ч. является окончаніе *-омъ* и въ Ф. мѣстн. мн. *-охъ* вмѣсто ожидаемыхъ *-ѣмъ* и *-ѣхъ*, при чемъ первое окончаніе въ старослов. яз. является исключительно въ формахъ дат. мн. во всѣхъ памятникахъ, а въ формѣ мѣстн. мн. при единственномъ *дарѣхъ* въ Син. псалтыри 47 пс., $_4$ (рукоп. с. 121, издан. Гейтлера с 101) имѣемъ *дарохъ* въ Син. молитвен. (с. 98 b., *Lang*, Jazykověděcký rozbor Euchol. sin. 9) и *домохъ*, *сынохъ* нѣсколько разъ въ Мар., Зограф. и Син. псалтыри (см. Лескинъ, Грам. § 56). Вслѣдствіе того, что одинъ разъ встрѣчается *-ѣхъ*, Лескинъ нашелъ возможнымъ поставить эту форму въ парадиг-

---

А. Л. Погодина «Слѣды корней—основъ въ славянскихъ языкахъ», с. 189. Напротивъ, я согласенъ съ проф. *И. Л. Лосемъ* («Сложныя слова въ польскомъ яз.», Спб. 1901 г., с. 64—65), что въ сложеніяхъ ст. польскихъ Bogurodzica, Boguchwał и т. п. мы имѣемъ Ф. не родит. ед., а дат. ед.

[1]) См. изданія *Ягича* с. 128 (Зограф.), 296 (Мар.).

[2]) Л. 70 а, см. изданіе *В. Н. Щепкина*, с. 55, и приложенный къ изданію словарь, сравн. Scholvin Declin. 29, 30. Свидѣтельство Саввиной книги особенно важно въ томъ отношеніи, что въ этомъ памятникѣ вообще *ѣ* не замѣняется черезъ *о*, кромѣ положенія въ ударяемомъ концѣ односложнаго слова (*Щепкинъ*, Разсужденіе о яз. Саввиной книги, с. 108).

мы, какъ правильную, признавая, что въ частомъ *-охъ* слѣдуетъ видѣть фонетическую замѣну *ѣ* черезъ *о* на основаніи изложеннаго въ § 17, $_2$ его грамматики правила. Но едва-ли это такъ. Какъ въ *-омъ* дат. мн., такъ и въ *-охъ* мѣстн. мн. я вижу не фонетическое, а морфологическое [1]) явленіе съ тою разницею, что въ формѣ дат мн. дѣйствіе морфологической аналогіи было сильнѣе, такъ какъ здѣсь оказывали вліяніе не только формы основъ на ŭ/ou, имѣвшія звукъ *о* передъ *ѣ*, но и формы дат. мн. первоначальныхъ основъ на *-ă*, гдѣ окончаніе *-омъ* было правильнымъ, между тѣмъ какъ въ формѣ мѣстн. множ. могли оказывать непосредственное вліяніе лишь первыя и только косвенное — формы дат. множ., поскольку онѣ сами замѣнили болѣе древнія формы на *-ѣхъ*. Конечно, въ старославянскомъ языкѣ, какъ и въ русскомъ, особенно въ такихъ памятникахъ, часто замѣняющихъ *ѣ* черезъ *о*, каковы Синайскіе псалтырь и молитвенникъ, *-охъ* могло бы объясняться, какъ фонетическая передача *-ѣхъ*; но такое объясненіе насъ не удовлетворяетъ въ виду существованія *-охъ* въ исторіи другихъ славянскихъ языковъ и при томъ не только русскаго, гдѣ *-охъ*, встрѣчающееся въ памятникахъ (напр. въ Новгородск. лѣтописи по Синод. сп. XIII вѣка: *на городищанохъ* л. 108^a, $_{18}$, при *домѣхъ* 54^a $_{17}$), еще могло-бы объясняться фонетически изъ *-ѣхъ*, но и польскаго, гдѣ примѣры w bogoch, w daroch, w stanoch, we trzemoch въ псалтыри Флоріанской конца XIV в., Żydoch въ Пул. пс. XV в. и многіе другіе на *-och* въ памятникахъ XIV—XV в. (*Kalina*, Historya języka polskiego, formy gramatyczne, s. 95) по законамъ польской фонетики не могутъ восходить къ *-ѣхъ*; старосербскія формы на *-охъ* (напр. трьгохъ), встрѣчающіяся обильно въ памятникахъ XIII—XIV в. (*Флоринскій*, Лекціи I, 289), также не могутъ фонетически объясняться изъ **-ѣхъ*.

Предложенное мною объясненіе совсѣмъ не ново. Перебирая литературу вопроса, я съ удовольствіемъ нахожу почти всѣ мои доказательства въ давно прочитанной и конспектиро-

[1]) Сравн. замѣчанія В. Н. Щепкина, Разсужденіе о яз. Саввиной кн., 108, сноска.

ванной мною, но частію забытой статьѣ проф *Р. Ѳ. Брандта* 1883 г. (Рус. Фил. Вѣстн. кн. IX, с. 221—230) «Нѣсколько замѣчаній о еревомъ и уковомъ склоненіи». Впрочемъ у Брандта есть и еще одно интересное предположеніе по поводу распространенія окончанія *-охъ*: онъ допускаетъ возможность видѣть въ немъ и форму мѣстн. множ. «ероваго» склоненія (т. е. первоначальныхъ основъ на $\overset{o}{\breve{a}}$), какъ «подражаніе мѣстнаго пад. дательному», въ которомъ искони было *-омъ* въ этихъ основахъ, «вызванное примѣромъ склоненій азоваго, ереваго и нашего уковаго, въ коихъ мѣстный отличался отъ дательнаго только появленіемъ вмѣсто *м—х*» (стр. 225). Что касается объясненія [1]), предложеннаго проф. Брандтомъ для подобныхъ-же формъ основъ на первоначальный *ĭ* (=*ь*), то здѣсь едва ли можно съ нимъ согласиться. Дѣло въ томъ, что существовавшая въ индоевропейскихъ языкахъ и сохранившаяся частію въ старо-словянскомъ аналогія въ склоненіи основъ на *ŭ* и *ĭ* сильно нарушена въ этомъ послѣднемъ благодаря совершившимся въ прасловянскомъ языкѣ фонетическимъ измѣненіямъ: между тѣмъ какъ прасловянскій дифтонгъ *ŏu̯* въ положеніи передъ гласными являлся какъ *ов*, праслов. *ĕi̯* въ такомъ же положеніи подвергся измѣненію въ ĭj̯ или ij̯, что̀ давно уже доказано (но въ печати позднѣе статьи Брандта) Ф. Ѳ. Фортунатовымъ [2]). Это прасловянское ij̯ дало старослов. частію и, частію ь передъ *j* (впрочемъ едва-ли не правильнѣе встрѣчающееся въ такихъ случаяхъ въ «паннонскихъ» текстахъ *ь* объяснять вліяніемъ другихъ формъ тѣхъ-же словъ, гдѣ *ь* правильно восходило къ индоевроп. *ĭ* въ положеніи передъ согласными). Этимъ объясняется, почему соотвѣтственно имен. множ. сꙑнове мы имѣемъ не *пѫтеѥ, а пѫтиѥ, и если при формахъ пѫт*ии*, кост*ии* въ ф. род. мн. встрѣчаемъ также въ памятникахъ и *-еи*, то это *еи* нельзя возводить прямо къ и. е. *$\overset{e}{\breve{a}}$i̯$\overset{o}{\bar{a}}$m (ĕi̯ōm) подобно тому, какъ *-овъ* мы воз-

---

[1]) Ibid. с. 221—222.

[2]) Лекціи по фонетикѣ старослав. яз. печатн. 1888 г., с. 128—129.

водимъ къ *ă̯u̯ā̯m, а слѣдуетъ видѣть въ немъ фонетическую замѣну *ь* черезъ *е* на основаніи закона, изложеннаго въ § 17,₂ грамматики Лескина, а *ь* проникло сюда изъ формъ твор. ед., дат мн. и дв., мѣстн. мн. и твор. мн. и дв. Что это такъ, доказывается не только фактами правописанія старо-словянскихъ памятниковъ, въ которыхъ мы находимъ при -иѥ также и -ьѥ въ ф. имен множ, при ии не только -еи, но и -ьи въ род. мн., подобнаго чему нѣтъ въ формахъ основъ на ŭ (не встрѣчается *сꙑнꙋве въ ф. имен., *сꙑнꙋвъ въ ф. род. мн.), но и явленіями другихъ словянскихъ языковъ: при такомъ взглядѣ непонятны формы чешск. род. мн. kostí, hostí, польск. kości, gości (Флоринскій, Лекціи II, 137, 461), сербск. кòстӣ (ibid. I, 298), малорусск *костéй*, *гостéй*, которыя объяснимы лишь изъ -ии или -ьи (послѣднее обязательно предполагаютъ малорусскія формы), предположеніе же для старословянскаго языка въ данномъ случаѣ формъ, не сохранившихся нигдѣ въ словянскихъ языкахъ, само по себѣ маловѣроятно, помимо тѣхъ противорѣчій, которыя встрѣчаетъ оно въ памятникахъ этого языка. Такимъ образомъ и въ написаніяхъ памятниковъ пѫтемь, --ехъ, емъ и т. п мы не можемъ вслѣдъ за Брандтомъ видѣть прасловянское *е*, перенесенное изъ формъ, имѣвшихъ первоначальный видъ основы на -ĕi̯ (индоевр. ă̯i̯), а видимъ лишь старосл. фонетическую замѣну *ь* черезъ *е*. Въ формѣ дат. ед. мы не имѣемъ никакого основанія предполагать *пѫтеи, хотя и должны признать, что существующая въ памятникахъ форма пѫти не совсѣмъ ясна (мы ожидали бы *пѫтии) и требуетъ для своего объясненія предположенія вліянія формы мѣстнаго п. ед. ч., о которой скажемъ въ связи съ тою-же формою основъ на *ŭ*.

Такъ называемый «слабый» видъ основы (оканчивающійся не на дифтонгъ) мы имѣемъ въ склоненіи основъ на *ŭ* и *ĭ* еще въ формахъ вин. мн. сꙑнꙑ, гдѣ правильное отраженіе индоевропейскаго ŭns (черезъ посредство ŭ̯s), въ которомъ заключено сочетаніе конечнаго гласнаго основы *ŭ* и суффикса вин. мн. *ns*, и пѫти, *огни*, гдѣ i отражаетъ ĭns (черезъ посредство i̯s), заключаю-

щее въ себѣ кон. гласн. основы *ĭ* и суффиксъ вин. мн. *ns*; сравните др. инд. sūnún, agnín (Brugm. K. V. Gr. § 480, прим. 1), діал. греч. υἱόνς, πόλινς (ibid. § 480), литовск. naktìs, vagìs, súnus, гдѣ ìs, us—сокращенія балтійско-словянскихъ ī̥s, ū̥s съ длительной долготой. Удлиненіе [1]) (не стяженіе) того же конечнаго гласнаго «слабаго» вида основы мы имѣемъ и въ формахъ имен. вин. двойств. ч. сѫнꙑ, огни и т. п., сравн. др. инд. sūnú, pátī, agnī, литовск. naktì, sū́nū (Brugm. K. V. Gr. § 473).

Можно бы къ слабому виду на *ĭ* возводить и ф. им. мн. основъ женск. р. *кости* ношти (рус. ночи)=литовск. nãktys, гдѣ балт.-слов. *īs* могло бы происходить изъ стяженія *ĭĕs* (индоевр. *ĭă̆s*), подобно тому, какъ и въ отличномъ отъ словянскаго *-ове* въ имен. мн. основъ на *ŭ* литовскомъ dañgūs, súnūs (*Kurschat*, Gram. § 688) можно было бы видѣть результатъ стяженія основного индоевроп. *-ŭă̆s*. Литовская долгота, указывающая на «нисходящій» тонъ («scheifender», «прерывистую» долготу), мнѣ кажется, говоритъ въ пользу этого объясненія. Въ пользу этого говоритъ и принимаемое Фортунатовымъ вліяніе аналогіи при образованіи въ индоевр. яз. этого окончанія *īs* (въ курсѣ морфологіи 1897 г): онъ принимаетъ здѣсь именно вліяніе аналогіи формъ основъ на *ă̊* и *ā̊* (др. инд. vṛ́kās, отличное отъ словянскаго вльци, гдѣ мѣстоименное окончаніе, др. инд. áçvas «кобылы», литовск. rañkos), а въ этихъ формахъ и Бругманъ (K. V. Gr. § 479), какъ раньше и Гиртъ (Indogerm. Akzent 115), принимаютъ «нисходяще-восходящій» тонъ («Schleifton») и старое стяженіе. Во всякомъ случаѣ стяженіе *-ĭă̆s* произошло (если здѣсь была не простая аналогія основъ на *ă̊* и *ā*) еще на почвѣ индоевропейской, ибо и въ латинскомъ языкѣ мы имѣемъ вмѣсто *ēs* діалектическое *īs* въ *ovīs*, хотя Бругманъ, въ отличіе отъ Гирта, считаетъ лат. *ovīs*, *manūs*, ст. слов. ношти—формами вин.

---

[1]) См. выше о формѣ им. вин. дв. ч. основъ на *ă̊* (стр. 16—17).

мн. (ibid. § 480, s. 391). Но если предположеніе Бругмана примѣнимо къ формамъ словянскимъ *кости*, *ношти* (*ночи*), которыя еще Лескинъ въ 1876 г. считалъ формами вин. (Declin. 78), оно совершенно непримѣнимо къ формамъ литовскимъ, въ которыхъ имен. и вин. множ. рѣзко различаются между собою удареніемъ и количествомъ гласныхъ: имен. мн. nãkt*ys*, šìrd*ys*, dañg*ūs*, sún*ūs* имѣютъ долгіе i и u въ окончаніи, винит. мн. naktìs, šìrdis, dangùs, súnus имѣютъ краткіе i и u. Литовск. *ĩs* въ *ákys* и т. п. и Лескинъ (Declin. 80) выводилъ изъ **akijas* (т. е. **akijas* или **akijes*), считая ĩs или сокращеніемъ основного **uas* черезъ посредство **-uvs* (78), или подражаніемъ формамъ основъ на *ĭ*, и выводя и словянское *patije* изъ *-ijas* (ibid. 80, 78), съ чѣмъ мы теперь, однако, не можемъ согласиться и выводимъ прасловянск. *-ije* изъ **ă i ă s* (см. выше).

2) Формы род., зват. и мѣстн. ед., имен. и родит. мн., родит. и мѣстн. дв. ч. представляютъ основу на й въ такъ называемомъ «сильномъ» видѣ, т. е. основу на дифтонгъ au съ *ă* или *ă*, при чемъ прасловянск. *ov* можетъ восходить въ положеніи передъ твердыми гласными какъ къ основному *ău*, такъ и къ основному *ău*, а потому *ове* въ формахъ сынове (род. мн.) и новообразованіи сынову (род. мѣстн. дв.) могло бы восходить не только къ *ău*, но и къ *ău*, на которое указываютъ формы греческія (род. мн. πήχεων), древнеиндійскія (им. мн. sūnávas) и готскія (род. мн. sunivē, имен. мн. sunjus, Brugm. K. V. Gr. Übersichtstabelle zu s. 399), а *ове* въ имен. мн. сынове и дат. ед. сынови могло бы объясняться аналогіей другихъ формъ съ *ов*. Но принимать и для прасловянскаго яз. основное *ău*, мнѣ кажется, маловѣроятно, въ виду какъ формъ литовскаго языка, такъ и тѣхъ формъ старословянскихъ, которыя, будучи образованы также отъ дифтонгическаго вида основы, не имѣли въ прасловянскомъ и, какъ видно изъ сравненій, въ балтійско-словянскомъ и праиндоевропейскомъ падежныхъ суффиксовъ, начи-

навшихся съ гласныхъ звуковъ. Такова старослов. форма сѣноу, въ которой внѣшнимъ образомъ слились 3 различныхъ формы индоевропейскаго праязыка: форма родит. (др. индійск. sūnṓs, литовск. sūnaũs), — мѣстнаго ед. (др. инд. sūnāú, см Brugm. K. V. Gr., Tabelle, 399) и зват. (др. инд. sūnō, лит. sūnaũ). Конечно, весьма вѣроятно, форма сѣноу (праслов. *synu*) различалась по ударенію какъ форма мѣстнаго и родит. или только мѣстнаго (съ удареніемъ на концѣ) и какъ форма зват. (съ ударен. на первомъ слогѣ), о чемъ мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній, но о чемъ можемъ заключать на основаніи различія ударенія этихъ формъ въ древнеиндійскомъ и различія въ удареніи тѣхъ же формъ другихъ именъ и другихъ основъ въ живыхъ словянскихъ языкахъ (въ основахъ на ĭ форма мѣстн. ед. отличается отъ формъ другихъ падежей ед. ч. удареніемъ на конечномъ слогѣ: рус. *на печи́*, *на кости́*, сербск. *ко̀сти*, а въ Ф. дат. русск *ко́сти*, сербск. *ко̏сти*). Если о др. индійскомъ ō мы не можемъ сказать съ увѣренностью отражаетъ ли оно праязычное ĕ͡u или ŏ͡u, или даже au, что̀ по отношенію къ данному случаю невѣроятно, то о старословянскомъ оу (т. е. u), а также и литовскомъ au слѣдуетъ сказать, что они могутъ отражать только и. е. ău и ŏu и отражаютъ слѣдовательно въ данномъ случаѣ именно индоевроп. ŏ͡u, ибо индоевр. ĕ͡u=балт. слов. ĕu измѣнилось въ прабалтійскомъ и далѣе въ литовскомъ въ ie͡u, въ прасловянскомъ въ iu (какъ опредѣлялъ раньше Фортунатовъ и Бернекеръ) или вѣрнѣе iŭ (какъ опредѣляетъ Фортунатовъ въ курсѣ 190½ г.), откуда старослов. ю (jŭ, ŭ) или діалектич. u (оу) послѣ смягченныхъ согласныхъ и ju[1]) Такимъ образомъ, чисто фонетически изъ индоевроп. ĕ͡u, какъ и изъ ă͡u,

[1]) Вслѣдъ за *І. Шмидтомъ*, *Θ. Е. Коршемъ*, *Ф. Θ. Фортунатовымъ* (Сравнит. фонетика 190½, с. 150—151, ранѣе въ печати. издан. «Лекцій по фонетикѣ старослав. яз.» 1888 г., с. 49, 52). высказывавшими мнѣніе объ измѣненіи eu͡ въ праслов. iu͡, iŭ, подробно разобранъ вопросъ *Бернекеромъ* (I. F.

получалось общесловянское сочетаніе i̯u, а изъ ău, ă̊u, съ которыми совпали по сокращеніи слогового элемента въ звуковомъ отношеніи ā̯u, ā̊u̯, — общесловянское u (ст. слов. оу, русск. *у*); сокращеніемъ слогового гласнаго объясняется совпаденіе разныхъ по количеству, какъ показываетъ др. индійскій языкъ, окончаній родит. и зв. ед. съ одной и мѣстнаго ед. съ другой стороны. Бругманъ (см. K. V. Gr., Tabelle zu s. 399), принимая для ф. род. отложит. ед. и. е. *-ous*, для зват. принимаетъ *-eu*, для мѣстн. ед. *-ēu*; причина такого различенія для меня неясна, такъ какъ отдѣльные языки индоевропейскіе, кажется, не даютъ для этого никакого основанія, и Фортунатовъ въ формѣ мѣстн ед. принимаетъ индоевр. дифтонгъ именно ā̊u̯, не ā̊u̯ (Сравнит. фонет. 190½ г., с. 182); напротивъ Вондракъ, принимая здѣсь ēu (д. п. sūnā́u изъ *sūnēu, A. k. sl. Gr. 49), предполагаетъ, что смягченіе здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ отраженія въ старословянскомъ яз. первоначальныхъ eu, ēu, не явилось благодаря вліянію другихъ формъ, гдѣ фонетически старое eu̯ (*ev*) замѣнилось черезъ ou̯ (ov).

Обращаясь къ объясненію этихъ совпавшихъ въ одной звуковой единицѣ формъ, мы должны отмѣтить, что въ старослов. яз. встрѣчаются въ род. ед. волоу, домоу, връхоу, полоу, долоу, но рѣдко [1]) сꙑноу, отмѣченное лишь въ Саввиной книгѣ 2 раза,

---

X, 1899, 145—161); хотя не всѣ приводимые имъ примѣры удачны и нѣкоторые попали по недоразумѣнію (напр. польск. dziub), но общее положеніе, по крайней мѣрѣ для праслов. *ю*. можетъ считаться доказаннымъ, вопреки возраженіямъ *Бругмана* (K. V. Gr. § 145) и *Микколы* (I. F. XVI B., 1904, S. 95—101). Это общее положеніе, не принятое *Лескиномъ* и въ 3 изд. 1898 г. своей грамматики (с. 12—13), принято *Вондракомъ* (Aitkirchensl. Gr. 1900, s. 48). *Mikkola* (l. c.), возражая противъ этого положенія, строитъ новую гипотезу, а именно, что лит. *iau*, слов. ju произошло изъ ou̯, при чемъ подъ знакомъ *э* онъ разумѣетъ вообще всякій редуцированный гласный.

[1]) *Scholvin*. Declination, 26—27; *Leskien*, Handbuch § 57; *Срезневскій*, Др. сл. пам. юсов. п. 131 (*Матѳ.* I.₁: с҃ноу да|въıдова. с҃ноу авраамлѣ, сравн. нов. изд. *В. Н. Щепкина* 1903 г., с. 131).

между тѣмъ какъ ф. сынд, явившаяся по аналогіи основъ на ă, встрѣчается очень часто во всѣхъ древнихъ глаголическихъ и кирилловскихъ текстахъ. Въ формахъ звательн. и мѣстн. отмѣчены сыноу [1]), но и въ нихъ уже чаще сыне и о сынѣ. Вообще полный примѣръ склоненія основы на й (въ чередованіи съ ăи), который мы находимъ въ грамматическихъ парадигмахъ старословянскаго языка, составленъ лишь на основаніи отдѣльныхъ формъ разныхъ падежей, встрѣчающихся то въ томъ, то въ другомъ памятникѣ, при чемъ мы не можемъ быть увѣрены, что всѣ встрѣчающіяся въ памятникахъ формы, указывающія своимъ внѣшнимъ видомъ на происхожденіе отъ основъ на и» дѣйствительно происходили отъ нихъ, и всегда должны считаться съ сильнымъ развитіемъ образованій по аналогіи, о чемъ мы уже упоминали. Мы знаемъ, что въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ нѣкоторыя окончанія получили большое распространеніе (напр. въ сербскомъ яз. окончаніе мѣстнаго п. на *у*), вытѣснивъ совершенно старыя окончанія основъ на ă, частію получивъ особый оттѣнокъ значенія (напр. въ русскомъ яз. форма род. ед. на *у*, *ю* въ значеніи количества); при этомъ нѣтъ, кажется, ни одной падежной формы этихъ основъ, кромѣ развѣ дат. множ., которая не сохранилась бы въ томъ или другомъ словянскомъ нарѣчіи, но съ другой стороны нѣтъ ни одного нарѣчія, въ которомъ мы нашли бы полный типъ этого склоненія.

Окончаніе формы род. ед. оу отражаетъ прасловянское и изъ праслов *ous*, которое изъ балтійско-слов. ăus и т. д. Согласіе древнеиндійскаго оš съ литовскимъ *aus* доказываетъ, что таково было окончаніе этой формы данныхъ основъ въ праязыкѣ индоевропейскомъ. Здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ присоединеніе къ основѣ въ «сильномъ» (дифтонгическомъ) видѣ окончанія род. ед. *s* вмѣсто обычныхъ въ основахъ на соглас-

[1]) Наоборотъ нерѣдки примѣры формы дат. ед. сыноу, см. словари *Ягича* къ Маріинскому Еванг. и *Щепкина* къ Саввиной книгѣ.

ные звуки и *ū* окончаній - *es* или - *os*. Такъ какъ въ древнеиндійскомъ яз. мы имѣемъ при sūnóṣ также окончаніе *as* (изъ $\overset{e}{\breve{a}}s$ или $\overset{o}{\breve{a}}s$) въ формѣ p a ç v á s[1]) (p a ç u=лат. p e c u), то необходимо является предположеніе, что чередованіе *as* и s обусловливалось въ индоевр. яз. тѣмъ или другимъ видомъ основы: если основа оканчивалась на дифтонгъ, то являлось окончаніе *s*, если она оканчивалась на *ŭ*, то окончаніемъ было *as*, передъ которымъ *ŭ* естественно становилось неслоговымъ и измѣнялось въ *v*; но рано окончаніе въ полномъ видѣ стало переноситься по аналогіи въ образованія отъ «сильнаго» или полнаго вида основы, чѣмъ и объясняются напр. греч. формы πήχεος, - εως при γουνός (изъ *γονυ-ος)[2]), при чемъ тотъ и другой видъ основы оказывался пріуроченнымъ къ мужеск. или среднему роду, какъ могло быть уже въ праязыкѣ. На словянской почвѣ, гдѣ вообще основы на *ŭ* средняго р. не сохранились, мы имѣемъ только форму съ полнымъ видомъ основы и слабымъ видомъ суффикса. Совершенно параллельно мы имѣемъ и отъ основъ на *ĭ*, чередовавшихся съ e i̯ (изъ $\overset{e}{\breve{a}}$i̯), правильное отраженіе индоевр. -$\overset{e}{\breve{a}}$i̯s, гдѣ падежнымъ окончаніемъ является одно *s*: пѫти, огн*и*, кости сравн. съ литовск. vagies̃, širdies̃, nakties̃, гдѣ *ie* изъ дифтонга *e i̯*, др. индійск. agnḗs (*Фортунатовъ*, Лекціи 1897 г.)[3]).

Окончанія мѣстн. ед. ч. оу и и отражаютъ индоевр. $\overset{o}{\bar{a}}$u̯ и $\overset{e}{\bar{a}}$i̯, въ которыхъ заключаются окончанія чистой основы въ «сильномъ» видѣ и притомъ съ удлиненіемъ слогового гласнаго (Сравн. *Streitberg*, J. F. I, 289). Происхожденіе долготы въ дифтонгахъ $\overset{e}{\bar{a}}$i̯, въ которомъ i̯ было «подвижнымъ», что̀ видно изъ др. инд. ведійской формы agnā́, греч. аттич. πόλῃ (вмѣсто πόλη)

---

[1]) См. *Brugmann*, K. V. Gr. 399, Tabelle.

[2]) Ibid., сравн. также § 461,₂ (с. 381).

[3]) Едва ли вѣроятно предположеніе *Штрейтберга* (J. F. III, 370—371) и *Гирта* (Ind. Akz. 116), что разбираемыя формы основъ на ĭ/ei̯ и ŭ/ou̯ явились изъ и. е. -oi̯so, ou̯so, т. е. имѣютъ суффиксъ *so*.

и т. п., и $\overset{o}{a}\breve{u}$, неясно и относится къ эпохѣ индоевроп. праязыка. Др. инд. agnāú представляетъ новообразованіе къ sūnāú. Общесловянскія, прасловянскія *u* и *i* восходятъ къ дифтонгамъ, сократившимся въ конечномъ слогѣ, т. е къ $\widehat{ou}$ и $\widehat{ei}$. Что касается др. рус. *домовь* (сравн. мое изслѣдов. о языкѣ Синод. сп. Новгор. лѣт. 182), то вопреки мнѣніямъ проф. *С. К. Булича* и акад. *Соболевскаго* я вижу въ немъ не форму мѣстн. ед. съ суффиксомъ *i*, а форму дат. ед., сократившуюся изъ болѣе древней *-ови*, что болѣе согласно со значеніемъ этой формы, отвѣчающимъ на вопросъ «куда».

Чистая основа, оканчивающаяся на дифтонгъ съ краткой слоговой частью, предполагается формою звательной ст. слов. сѣнѹ, господи.

Теперь обращаемся къ тѣмъ формамъ, въ которыхъ прасловянскій дифтонгъ ou (изъ $\overset{o}{a}\breve{u}$ или изъ $\overset{e}{a}\breve{u}$) приходился въ положеніи передъ суффиксами, начинавшимися съ гласныхъ звуковъ; благодаря такому положенію $\widehat{ou}$ обращалось въ *ov* (*ов*). Въ ф. дат. ед. мы имѣемъ сѣновѣ, домовѣ и т. п., въ которыхъ праслов. *i* (старосл. и) отражаетъ индоевроп. $\widehat{ai}$ (Brugm. K. V. Gr. § 464) или $\widehat{əi}$, что можно предполагать на основаніи греческихъ инфинитивовъ на αι (ἴδμεναι, δόμεναι), такъ какъ греч. α одинаково можетъ указывать и на индоевр. *ă* и на и. е. *ə* (*Фортунатовъ*, Склоненіе и спряженіе индоевр. языковъ, лекціи 1897 г., с. 182—183), а въ этихъ инфинитивныхъ образованіяхъ, какъ и въ ф. χαμαί, и другіе лингвисты предполагаютъ форму дат. ед. отъ основъ на согласн. (*Brugmann* ibid., *Pedersen* K. Z 38, s. 327). По Гирту [1]) и Педерсену (ib 327) окончаніе дат. ед. *ai* имѣло «восходяще-нисходящій» («steigend-fallend»=«gestossen») [2]) тонъ; слѣдовательно, принимая законъ *Штрейтберга* [3]), что «*schleifende*» (по Гирту=нисходяще-восходящее») и. е. -ē *въ абсолютномъ*

[1]) Indog. Akzent 114.

[2]) Ibid. 112—113.

[3]) J. F. I, 295.

конць словъ подвергается въ словянскомъ «повышенію тона до -i», а *«gestossene» остается неизмѣннымъ*, и его примѣненіе къ и. е. oi, сдѣланное *Мелье*[1]), они должны были принять, что въ нашемъ *i* дат. ед. разбираемыхъ (домови) и консонантическихъ (матери) основъ не могутъ отражаться индоевр. дифтонги ăi или əi, которые, являясь въ праславянскомъ какъ oi, должны были обратиться въ ě (т. е. праслов. ѣ или по нашему дифтонгъ *ie*), не измѣняясь въ *i*. Но я уже указывалъ, что различеніе двухъ тоновъ индоевроп. дифтонговъ и долгихъ гласныхъ, дѣлаемое западными лингвистами, хотя имѣетъ много общаго съ ученіемъ Фортунатова о двухъ видахъ долготъ индоевроп. дифтонговъ и долгихъ гласныхъ, далеко не совпадаетъ съ этимъ ученіемъ, такъ что въ категоріи случаевъ появленія въ конечныхъ слогахъ того или другого тона у Гирта[2]) мы находимъ несоотвѣтствія съ опредѣленіемъ Фортунатова: у Гирта предполагается, что «нисходяще-восходящій» тонъ слышался между прочимъ въ окончаніяхъ дат. ед. основъ на ŏ, дат. и мѣстн. ед. основъ на ā и *ie*,—мѣстн. ед. основъ на ŏ (οἴκοι, ἰσθμοῖ),—род. множ.,—2 и 3 л ед. желательнаго наклон. (λείποις,—οι), при чемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ и въ остальныхъ, отнесенныхъ Гиртомъ къ категоріи «schleifend», греческій языкъ указываетъ на долготу, которая подъ удареніемъ имѣетъ знакъ ˜. Такимъ образомъ греческій языкъ не вызываетъ противорѣчій. Другое дѣло, когда мы обратимся къ старословянскому языку: здѣсь мы видимъ съ одной стороны ѣ въ дат. мѣстн. рѫцѣ, мѣстн. на тоцѣ, съ другой—рьци, бери и т. д. въ формахъ повелительныхъ, всѣми, кажется, лингвистами давно уже возводимыхъ къ формамъ индоевроп. желательнаго (оптатива) и признаваемыхъ тожественными съ греческими φέροι и т. д. (см. *Brugm.* K. V. Gr. § 728, J. F. 1904, XVII, 186).

---

[1]) *Meillet*, Mémoires de la société de linguistique VIII, 239.

[2]) Indog. Akzent, 113—116.

Фортунатовъ [1]) предполагаетъ въ окончаніи ф. мѣстн. ед. основъ на $\breve{a}$ и дат. мѣстн. ед. основъ на $\bar{a}$—«длительную» долготу, въ оконч. дат. ед. основъ на $\breve{a}$, род. мн. всѣхъ основъ и окончаніи формъ повелительныхъ-желательныхъ—«прерывистую» долготу, чѣмъ и объясняетъ разницу отраженія индоевропейскихъ $\breve{a}i$, $\breve{a}\bar{i}$ въ конечныхъ слогахъ на славянской почвѣ. То же несогласіе видимъ мы у Фортунатова и съ категоріей случаевъ «восходяще нисходящаго» тона Гирта: здѣсь мы при большинствѣ случаевъ, указывающихъ на то, что «gestossen» у Гирта соотвѣтствуетъ «длительной» долготѣ Фортунатова (твор. ед. лит. ranką изъ *ranką̄m, ст. слов. рѫкѫ, им. дв. др. инд. vṛ́kā, греч. θεώ, ф. 1 л. ед. наст. φέρω, лит. vežù [2]) и нѣк. друг.), находимъ ф. дат. ед. консонантич. основъ—δόμεναι, λῦσαι, т. е. вообще и здѣсь система построена главнымъ образомъ на греческомъ яз. (во всѣхъ этихъ случаяхъ въ греч. является краткость дифтонга или острое удареніе на гласномъ). Это различіе своихъ взглядовъ отъ ученія нѣмецкихъ лингвистовъ призналъ и самъ Фортунатовъ въ статьѣ «Объ удареніи и долготѣ въ въ балтійскихъ языкахъ» (Р. Ф. В. 1895 г., 1—2 кн., с. 293—294), хотя не остановился подробнѣе на выясненіи этого различія, что̀ было бы желательно въ виду тѣхъ противорѣчій и сомнѣній, которыя вызываетъ это различіе. Напр., принимая вслѣдъ за Фортунатовымъ, что въ концѣ словъ дифтонгъ $o\bar{i}$ и $\bar{e}$ съ индоевроп. «прерывистой» долготой въ праславянскомъ яз. давали въ концѣ концовъ $\bar{i}$, откуда старослов. и, вслѣдствіе чего «прерывистую» долготу мы охотно принимаемъ въ ф. дат. ед. консонантич. и другихъ подобныхъ основъ и въ ф. имен. множ.

---

[1]) Сравнит. фонетика 1902 г., с. 157, 158, 171, 176, 233. Относительно и въ бери и его тожества по происхожденію съ и въ рабн см. также «Сравнительную морфологію» 1900—1901 г., с. 60.

[2]) См. напр. у *В. К. Поржезинскаго*, «Къ исторіи формъ спряженія въ балтійскихъ языкахъ» (М. 1901 г.), с. 9.

основъ на *ă* (камени, крѣви, сѣнови и т. п., сравн. греч. δόμεναι, χαμαί, вльци, ти и т. п., сравн. греч. λύκοι, οἶκοι, τοί..), а съ другой стороны, зная, что такую долготу Фортунатовъ принимаетъ въ дифтонгахъ съ краткимъ неслоговымъ гласнымъ и наоборотъ принимаетъ «длительную» долготу въ дифтонгахъ съ долгимъ неслоговымъ гласнымъ, мы не поймемъ, почему та же «прерывистая» долгота является въ формахъ повелительныхъ (бери, рьци и т. д.), гдѣ, какъ показываетъ греческій языкъ (λείπoι, не *λεῖπoι) [1]), дифтонгъ -oi̯ долженъ былъ заключать долгій неслоговой гласный *i*. Придется, кажется, при *i* въ суффиксѣ оптатива (*Brugm.* Grundriss 1892, II, s. 1299, *Meringer*, Indogerm. Sprachwissenschaft, Leipzig 1899, S. 118, и др.) принять индоевр. варіантъ *ĭ*, подобно тому, какъ это принимается въ суффиксѣ мѣстнаго ед. (*Brugm.* Gr. II, 609—610). Замѣчу еще, что нѣкоторые западные лингвисты для устраненія противорѣчій въ окончаніяхъ имен. множ. основъ на *ă* (*o*) въ словянскомъ и литовскомъ, принимаютъ двоякое окончаніе -*oi* въ имен. множ. въ этихъ языкахъ—«geschleifte» и «gestossene» [2]): 1) греч. οἶκοι, ἀγαθοί согласно съ литовск. gerie̯ji и русск. *тѣ*, *всѣ*, 2) ст. слов. раби согласно съ литовск. diẽvai̯. На несоотвѣтствіе греческаго τοί и литовскаго tiẽ при gerì изъ *gerié обратилъ вниманіе еще раньше *Гиртъ* [3]), но у Гирта тогда еще не выработался взглядъ относительно того, какой индоевроп. тонъ долженъ соотвѣтствовать словянскому *i*, какой—словянскому *ѣ*, что̀ мы видимъ уже вполнѣ опредѣленно у *Педерсена* въ его работѣ 1902 г. «Die Nasalpräsentia und der slav. Akzent»: въ § 35 онъ высказывается въ пользу того, что именно «geschleifte intonation» [4]) было причиной

[1]) См. *Brugmann*, J. F. XVII (1904), 3–4 H., s. 177.
[2]) K. Z. XXXVIII, 327 (*Педерсенъ*).
[3]) J. F. I, 31.
[4]) K. Z. ibid. 328.

появленія праслов. *i* вмѣсто *ѣ*, а «gestossene» вызывало сохраненіе *ѣ* (рѫцѣ=лит. rankì въ имен. дв., рус. *тъ всъ*) Но Педерсенъ сдѣлалъ ошибку, привлекая къ сравненію несомнѣнно новыя, вызванныя аналогіей косвенныхъ падежей (тѣхъ, вьсѣхъ), русскія *тъ, всъ* вмѣсто древнихъ старословянскихъ и др. русскихъ *ти, вьси*; во всякомъ случаѣ на основаніи новаго русскаго *тъ* и т. п. (мы имѣемъ въ великорусскихъ говорахъ также *онъ́, моъ́* для всѣхъ родовъ при литературныхъ *они́, мои́*) нельзя строить мнѣніе о двоякомъ окончаніи имен. множ., и это мнѣніе пока можетъ опираться только на различіи въ удареніи литовскихъ *gerì* и *vilkaĩ*. Натяжкой въ построеніи Педерсена я считаю и то, что онъ форму мѣстн. ед. муж. р. *рабѣ* приписываетъ по окончанію аналогіи формъ мѣстнаго ед. словъ ж. р. (основъ на *ā*) и относитъ образованіе *ѣ* изъ *ā̃i* въ формахъ дат. и мѣстн. *жент* ко времени болѣе позднему, чѣмъ распаденіе категоріи звуковъ *ѣ* болѣе стараго происхожденія на двѣ—*i* и *ѣ*, т. е. признаетъ образованіе праславянскихъ *ѣ* не въ одну, а въ разныя эпохи [1]). А потому не могу я согласиться съ нимъ и относительно того, что *i* (ст. слов. и) въ сынови, камени, тѣлеси и т. п. явилось по аналогіи *i* (и) въ *кости* и т. п., а считаю его отраженіемъ праславянскаго oi̯ съ «прерывистой» долготой изъ индоевроп. ăi̯ или ə̆i̯ [2]). Что же касается Ф, дат. ед. основъ на *ĭ* (*кости*), то или она явилась подъ вліяніемъ формы мѣстн. ед. ч., о которой мы уже говорили, т. е. восходитъ къ праслов. **kostei̯* изъ индоевр. **kostāi̯*, или пред-

[1]) K. Z. XXXVIII, 326 - 327.

[2]) Въ общемъ выводѣ Педерсена относительно соотвѣтствія извѣстнаго качества дифтонга *oi̯* словянскому *i* во всякомъ случаѣ совпадаетъ съ выводомъ Фортунатова о соотвѣтствіи *i* именно «прерывистаго» oi̯, такъ какъ въ литовскомъ въ такихъ случаяхъ дѣйствительно ударе́ніе бываетъ «geschliffen». Исключенія объясняются частью праязычными варіантами, частью разными аналогіями.

ставляетъ образованіе дат. ед. по аналогіи основъ, оканчивавшихся на согласный звукъ. Во всякомъ случаѣ нельзя принять объясненіе Вондрака, выводившаго эту форму изъ **kostejai*, что доказалъ Лескинъ въ J. F. X, 259—262, признавшій, однако, нѣсколько возможныхъ праформъ: **kostī*, **kostē*, **kostoi* или **kostei*. Если принять **kostī*, то можетъ быть, возможно исходить изъ той формы индоевропейскаго праязыка, которую принимаетъ проф. Поржезинскій [1]), а именно *-iəi* «съ первымъ *i* частью слоговымъ, частью неслоговымъ», и предполагать вслѣдъ за указаннымъ ученымъ, что балтійско-словянскій языкъ получилъ отсюда не *-iai*, а именно *-iei*, «гдѣ *e* имѣло ту же исторію, какъ и въ другихъ случаяхъ, гдѣ оно приходилось въ положеніи послѣ *i* слоговаго и *i* неслоговаго»; изъ этого *iei* въ эпоху общесловянскую получилось *iī*, а съ утратою *i* «нефонетическимъ путемъ подъ вліяніемъ окончанія другихъ падежн. формъ тѣхъ же именъ, не имѣвшихъ *i*» (ibid. 6), *ī=i*. Я вполнѣ сочувствую также предположенію Поржезинскаго, что въ формѣ инфинитива на *-ti* (*-tiē*) въ балтійскихъ и словянскихъ языкахъ совпали категоріи старыхъ дательныхъ падежей отъ основъ на *-ti* съ удареніемъ на основѣ и старыхъ мѣстныхъ ед. отъ тѣхъ же основъ [2]) съ удареніемъ въ части

---

[1]) Возвратная форма глаголовъ въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ (Москва, 1903 г.), с. 5—6.

[2]) Ibid. 6—7. Сравн. *Brugm.* Grundr. § 1088 (II, s. 1413—1414). Мысль искать въ нашей формѣ инфинитива на -ti разныхъ падежныхъ формъ отглагольныхъ существительныхъ съ основами на ti, между прочимъ особенно формы дат. ед., давно высказывалась лингвистами, начиная съ *Боппа* и *Шлейхера*; см. объ этомъ у *Потебни* (Изъ записокъ по русск. грам. II, с. 343—344), который считаетъ возможнымъ встрѣчающуюся изрѣдка въ старослов. памятникахъ (особ. въ словахъ Григорія Богослова) форму *быту* въ значеніи инфинитива (см. словарь церковно-славянск. языка *А. Х. Востокова* s. v.) признать формою дат. ед. отъ темы на *y*, «подобно формѣ на *-ti*, чѣмъ бы объяснилось и ихъ синтактическое сходство» (Изъ зап. по рус. грам. II, 356). Но если *быту* производить отъ темы на *ŭ*, не

ихъ на окончаніи (сравн. выше сказанное мною о различіи въ мѣстѣ ударенія формъ мѣстн. ед. отъ одинаковыхъ по звукамъ формъ другихъ падежей), хотя, боясь отвлечься слишкомъ далеко отъ главнаго предмета изложенія, не нахожу возможнымъ здѣсь заняться разборомъ данныхъ изъ области разныхъ словянскихъ языковъ, чтобы убѣдиться, насколько вѣроятно это мнѣніе. Замѣчу здѣсь только, что мнѣніе *Лоренца* (Archiv für slav. Philologie XIX, 346) о существованіи въ прасловянскомъ яз. двухъ суффиксовъ инфинитива *-ть* и *-ти* мнѣ не кажется убѣдительнымъ: польскія и великорусскія формы на *ть* я вывожу изъ прасловянскихъ на *ти*.

Формы имен. мн. сын*ове*, род. мн. сын*овъ*, представляющія присоединеніе суффиксовъ *-ăs* (*-es*) и *-ām* (*-ōm*) къ сильному виду основы, намъ понятны, а отношеніе къ нимъ соотвѣтствующихъ формъ основъ на *ĭ*/*ĕ i* нами выяснено выше.

Тожественное образованіе формъ этихъ падежей, какъ и формы дат. ед., мы находимъ въ склоненіи основъ на согласные звуки и *ū*, къ которому и обращаемся въ слѣдующей главѣ.

IV. *Склоненіе основъ на ū и на согласные звуки.*

Склоненіе тѣхъ и другихъ основъ въ сущности одинаково, такъ какъ *ū* передъ гласными суффиксовъ измѣнилось въ *ŭu*, откуда *ъв*, и всѣ отступленія сводятся къ бо́льшему или меньшему вліянію другихъ основъ, т. е. къ переходу первоначальныхъ основъ этихъ типовъ въ той или иной падежной формѣ въ основы другихъ типовъ, преимущественно на *ĭ* или *ā*.

на *-ă*, то эта форма должна быть формою не дательн., а мѣстнаго ед. Замѣчу, что синтактическое употребленіе неопредѣленнаго, о которомъ подробно говоритъ Потебня въ указанномъ сочиненіи (см. обороты дат. съ неопредѣл.), свидѣтельствуетъ много въ пользу мнѣнія о происхожденіи его изъ формы дательнаго, но въ пользу возможности совпаденія въ немъ формъ дательн. и мѣстн. говоритъ аналогія греческаго яз., гдѣ при мѣстн. ἴδμεν имѣется дат. ἴδμεναι (Brugmann, K. V. Gr. § 466$_2$).

Формы родит. ед. и мѣстн. ед. имѣютъ окончаніе *е*: црькъв*е*, камен*е*, тѣлес*е*, но между тѣмъ какъ въ ф. родит. ед. *е* отражаетъ индоевроп. -*as*^{e}, чередовавшееся съ -*as*^{o} (сравните съ одной стороны греч. -*os*, съ другой—лат. -*is* въ *homin*-*is* изъ -*es*), въ формѣ мѣстнаго п. ед. ч. это *е*, которое, можетъ быть, тожественно съ литовскимъ *е* въ формахъ того-же пад. во всѣхъ типахъ склоненія (raňko*je*, akmeny*jè*, sūnū*jè*, širdy*jè*), представляетъ, по мнѣнію Фортунатова, какую-то частицу, при чемъ въ курсахъ до 1897 г. онъ предполагалъ именно индоевропейскую частицу *$\underset{\frown}{\alpha}\underset{o}{n}$, тожественную съ тѣмъ *$\underset{\frown}{\alpha}\underset{o}{n}$, которое мы видимъ въ предлогахъ слов. *въ*, лат. *in*, и разница въ рефлексахъ обусловливалась при такомъ взглядѣ тѣмъ, что въ предлогахъ первоначальное сочетаніе *$\underset{\frown}{\alpha}\underset{o}{n}$ было *проклитично*, въ данномъ же случаѣ *энклитично*: проклитическое $\underset{\frown}{\alpha}\underset{o}{n}$ давало словянское *ъ «носовое» (назалированное), откуда *ъ* безъ назализма съ обычнымъ въ началѣ призвукомъ *в* (изъ прасловянскаго $\underset{\frown}{u}$), энклитичное давало *е* аналогично тому, какъ конечное *$\underset{\frown}{\alpha}\underset{o}{\bar{n}}$ (т. е. сочетаніе «иррац. неслогов. гласн.+слогов. долг. носов.») давало *ē*, откуда *ѣ*[1]). Въ связи съ этимъ, конечно, и окончаніе *е* въ винит единств. ч. (мате*ре*, црькъ*ве* при частомъ мате*рь*) объяснялось (см. лекціи 1888 г., с. 191) изъ сочетанія *$\underset{\frown}{\alpha}\underset{o}{\breve{m}}$ (сравн. греч. μητέρα, лат. matr*em*). Но въ новѣйшихъ лекціяхъ Фортунатовъ уже принимаетъ, что изъ сочетаній $\underset{\frown}{\alpha}\underset{o}{\breve{n}}$, $\underset{\frown}{\alpha}\underset{o}{\breve{m}}$ въ конечномъ слогѣ получалось *ь* «носовое» и далѣе *ь*, такъ что формы каме*нь*, мате*рь*, црькъ*вь* признаются настоящими формами винит. ед. ч. консонантическихъ основъ, а не формами основъ на *ĭ*, менѣе рѣшительно, допуская возможность аналогіи основъ на *ĭ*, какъ *кость*, въ курсѣ сравн. ф. 1898—99 г., с. 68, болѣе

---

[1]) Отсюда объясненіе перфекта **вѣдѣ** въ значеніи настоящаго времени изъ $\overset{o}{\underset{\frown}{\text{vă}}}\underset{\frown}{\text{id}}\underset{o}{\underset{\frown}{\bar{\alpha}}}\underset{\frown}{\bar{n}}$ (см. Лекціи по фонет. ст. сл. 1888 г., с. 192).

рѣшительно въ лекціяхъ 1902 г., с. 85, 87), формы же винит. ед. ч. на *е* признаются этимологически формами родит. ед. ч., что̀ вѣроятно, въ виду почти неупотребленія этихъ формъ отъ именъ неодушевленныхъ (Лескинъ, Handbuch § 41, отмѣтилъ лишь два примѣра *камене* въ Супр. и Мол.). Такимъ образомъ, если мы воздержимся отъ мнѣнія, что *е* въ формахъ мѣстнаго падежа происходитъ изъ *ᾱ̯n̆*, у насъ остается, однако, возможность объяснять это *е*, какъ постпозитивную частицу [1]), по значенію мѣста сходную съ предлогами ἐν, *in*, *въ*, хотя и отличную отъ нихъ этимологически, при чемъ любопытно, что въ литовскомъ языкѣ это *е* мѣстнаго пад. прибавляется обыкновенно не къ чистой основѣ, а къ основѣ съ суффиксомъ мѣстн. ед. *i*, такъ что ran̄*koj*—по окончанію *oi̯* изъ балт.-слов. ā̊i̯ тожественно съ старослов. ржцѣ.

Замѣтимъ, что и въ исторіи отдѣльныхъ словянскихъ нарѣчій мы встрѣчаемся съ какою-то частицею *е*, происхожденіе которой пока неясно, несмотря на дѣлавшіяся разными изслѣдователями (*Соболевскимъ* въ «Изслѣдованіяхъ» 1881 г., с. 49—52, *Облакомъ* и др.) попытки: таково сербское *е* [2]), являющееся какъ прибавка въ формахъ разныхъ падежей единств. и множ. ч. теперь преимущественно мѣстоименій, но въ старое время и существительныхъ: том*е*, *ньом*е, ньим*е*, тим*е* и т. п. Едва ли это *е* имѣетъ связь съ старословянскимъ *е* въ *камене*.

---

[1]) Постпозицію въ нашихъ *камене*, *словесе* и т. п. и указанныхъ литовскихъ формахъ, а также и др. индійск. á ç v ā y - *ā m*, видитъ и *Бругманъ* (K. V. Gr § 466, 2 Anm., 467, 1 Anm., 593, Anm.)

[2]) Послѣдняя, кажется, попытка принадлежитъ сербскому ученому д-ру *Ал. Бѣличу* въ статьѣ «Прилошци историји словенских језикā» (из «Гласа српске кр. акад.» LXII, с. 199—215), который, какъ раньше *Облакъ* (Archiv XVI, 183) и *Решетаръ* («Primorski lekcionari XV vijeka», с. 79, 80, 81), видитъ въ этомъ *е* новое, спеціально сербское явленіе, но въ отличіе отъ предшественниковъ, изъ коихъ Решетаръ приписывалъ развитіе его слабому ударенію предшеств. слога, признаетъ за нимъ чисто случайное происхожденіе благодаря аналогіи частицъ *ре* и *рь*, чередующихся въ сербскомъ.

Что въ формѣ мѣстнаго именно падежа могла явиться такая частица, вѣроятно потому, что именно въ мѣстномъ пад. иногда является чистая основа (сравн. наше сынѣ изъ -ōu), особенно основа на согласн. зв. (др. инд. udán, Brugm. K. V. Gr. 384), которая и могла получать извѣстное распространеніе въ прибавкѣ какой-либо частицы.

Въ формѣ мѣстнаго ед. ч. матери является совпаденіе съ формою дат. ед. ч., вызванное такимъ же совпаденіемъ[1]) въ цѣломъ рядѣ другихъ основъ женскаго рода (*кости*, рыбѣ), хотя въ нѣкоторыхъ основахъ на *ĭ* должно было быть различіе по ударенію: сравните дат. ед. сербск. *ствари*, *кости*, русск. *твари*, *кости* и мѣстн. ед. *ствáри*, *кòсти*, русск. *на печи́* и мн. др. (сравн. сказанное выше). Окончаніе же *i* въ дат. ед. такого-же происхожденія, какъ и въ сынови.

Предполагается (*Фортунатовъ*, Склоненіе и спряженіе индоевропейскихъ языковъ, Москва 1897 г., с. 67—68), что ū могло получаться въ индоевроп. эпоху діалектически изъ сочетанія ŭ+ə, какъ ī изъ ĭ+ə.

Это *ū* или правильно отражается въ звукѣ ꙑ въ ф. имен. ед. (изъ *ūs*: свекрꙑ=др. инд. çvaçrūš=лат. socrus, сравн. sūs, Brugm. K. V. Gr. § 454), или разлагается на *ŭu*, откуда *ве*, въ положеніи передъ гласнымъ суффикса. Первоначально форма вин. ед. должна была звучать одинаково съ формой имен. ед. (-ūm = -ꙑ): ср. др. инд. tanūm, греч. ὀφρῦν, лат. socrum (Brugm. K. V. Gr. § 458); остатокъ такой формы можно видѣть въ извѣстномъ выраженіи любꙑ (прѣлюбꙑ) дѣяти и т. п., согласно съ мнѣніями *Бругмана* (Grundriss 1892, II B., 550) и *Соболевскаго* (Ж. М Н. Пр. 1904 г., мартъ, с. 180), если не принять тоже вѣроятнаго мнѣнія *Г. А. Ильинскаго* («О нѣкоторыхъ архаизмахъ и новообразованіяхъ праславянскаго языка», Прага

[1]) Впрочемъ не исключена возможность сохраненія въ этомъ и индоевроп. *i*, какъ одного изъ окончаній мѣстн. ед. (Brugm. Gr. II, 610).

1902 г., с. 1—8), который помощію весьма остроумныхъ соображеній и указаній изъ области словянскихъ языковъ пытался подтвердить мнѣніе *И. В. Ягича* (Мар. Четвероеванг., с. 438), что въ этомъ выраженіи мы имѣемъ не форму основы на *ŭ*, а вин. множ. основы на *ŏ*. при чемъ главное подтвержденіе этого мнѣнія можно видѣть въ томъ, что въ старословянскихъ памятникахъ встрѣчается форма *прѣлюбѣ* (вм.—*ꙑ*), въ которой мы бы могли предполагать ф. родит. множ. вмѣсто винит. при отрицаніи или, какъ думаетъ Ильинскій (ibid. 8), ф. винит. ед. основы -*ŏ* (и. е. *ă*); но при всей кажущейся вѣроятности подобнаго предположенія едва ли не правильнѣе *прѣлюбѣ* (въ Мар. Ев. и др.) считать опиской, сравн. сказанное Ягичемъ ibid. 425.

Но уже, можетъ быть, на почвѣ индоевроп. праязыка отъ основъ на *ŭ* стала образовываться форма по аналогіи основъ на соглас. звукъ, который въ основахъ на *ŭ* являлся, какъ сказано, благодаря распаденію *ŭ* передъ суффикс., начинавшимися съ гласныхъ звуковъ, на *ŭi̯*, откуда uv: др. инд. tanúv-*am*, лат. su*em* по аналогіи mātár*am*, mātr*em*..., вслѣдствіе чего старословянскія формы црькъвь, любъвь, кръвь могутъ считаться явившимися съ такими окончаніями уже въ праязыкѣ словянскомъ, въ который перешли изъ праязыка индоевропейскаго, имѣвшаго уже, вѣроятно, діалектическія формы *-ŭ u̯ ă̯m или *-ŭ v ă̯m, а на почвѣ словянской, уже въ отдѣльной жизни словянскихъ языковъ, или еще, можетъ быть, въ говорахъ праславянскаго языка, формы на -*звь* стали по аналогіи такихъ формъ именит. винит. ед., какъ *кость*, пріобрѣтать значеніе и именит. ед. ч., такъ что въ старословянскомъ яз. мы имѣемъ въ имен. ед., при лꙋкꙑ, црькꙑ (црькꙑ), свекрꙑ и другихъ именахъ (см. *Leskien*, Handbuch, § 52) неодносложныхъ, только крꙑвь, предполагаемая же односложная форма *крꙑ изъ индоевроп. *krūs въ старословянскомъ яз. не сохранилась, хотя существованіе ея въ языкѣ праславянскомъ засвидѣтельствовано старопольской формой *kry* («pieśń Bogarodzica» по рукописи XV в., *Kalina*, Hist. języka

polsk. 230) и нынѣшней словѣнской—*k r ī*, употребляющейся притомъ не только въ значеніи имен. ед., но и въ значеніи винит. ед. (см. *Pleteršnik*, Slovensko-nemški slovar, s. v.). Въ старословянскомъ яз., не сохранившемъ формы имен. вин. ед. кръı, однако, имѣемъ ясныя указанія на *ŭ* въ концѣ основы этого слова въ формахъ косвенныхъ падежей этого слова, а именно при формѣ дат. ед. кръви, которая, какъ внѣшне сходная съ кости, сама по себѣ нехарактерна, въ ф. родит. и мѣстн. ед. кръве, которыя, какъ и цръкъве, объясняются совершенно такъ же, какъ и камене и дьне въ формахъ тѣхъ же падежей. Хотя и здѣсь, какъ и въ склоненіи основъ на n и r, часто въ памятникахъ подъ вліяніемъ основъ на *ĭ* (кос*ть*, кос*ти*) является окончаніе *i* (ст. слов. и) вмѣсто *e*, такъ что въ мѣстномъ пад. Лескинъ (см. §§ 54 и 44—45) поставилъ даже въ парадигмѣ *кръви*, какъ отъ основы на *r*—мате*ри* при родит. ед. мате*ре*, тѣмъ не менѣе изъ памятниковъ мы, кажется, можемъ извлечь форму *кръве* не только въ значеніи родит. ед., но и въ значеніи мѣстн. ед., въ какомъ встрѣчается по крайней мѣрѣ 1 разъ: приобьщи | лъ еси плъти і кръве естъства | твоего. *Син. Молитв. л.* 78 b. ^{7}—^{9} (сравните: приобьщи мѧ пакъı стадѣ твоемь ibid. 12—13), въ изданіи *Гейтлера* см. стр. 143; въ значеніи мѣстн. ед. форму *кръве* понялъ въ данномъ мѣстѣ Син. Молитвенника и *Лангъ*[1]). То, что форма родит. ед., сохранившая окончаніе *e* въ основахъ на согласн. зв. даже въ нѣкоторыхъ изъ живыхъ словянскихъ языковъ, напр. въ чешскомъ (tyk*ve*, kr*ve*, kame*ne*, d*ne* при мѣстныхъ только tyk*vi*, kr*vi*, kame*ni* и d*ni* при d*ne*)[2]), вообще и въ старослов. памятникахъ рѣже[3]) принимаетъ окончаніе *i* (и), чѣмъ это наблюдается относительно формы мѣстн. ед., доказы-

---

[1]) *Prokop Lang*, Jazykovědecký rozbor Euchologia Sinajského, II (1889, v Přibrami), 39.

[2]) *Флоринскій*, Лекціи II. 139, 140.

[3]) Часто и только въ Псалтыри и Молитвен. Син. (см. у Лескина §§ 41, 45, 47, 53, 54).

ваетъ, что причина распространенія окончанія *і* исходила отъ формы дат. ед., совпадавшей съ формою мѣстнаго ед. не только въ основахъ на *ĭ*, но и въ основахъ на *ā*, и что лишь такимъ путемъ совершалось постепенное совпаденіе съ формами основъ на *ĭ* въ дательномъ, мѣстномъ и родит. п. ед. Во множ. ч., еще сохранившемъ старыя формы въ имен. и род. основъ на n (*и*), *l*, *s* (*х*) и *t* (*т*): камене, родителе, дьне, несъше, бержште [1]) и т. п., камень, дьнь, родитель, несъшь, бержшть, основы на *ū* (*йи*) вполнѣ приняли формы основъ частію на *ĭ*, частію на *ā*: пръкъви, кръви, пръкъвамъ, кръвьмъ и т. д. (см. у Лескина §§ 52 и 54). Правда, форма род. мн. пръкъвъ (но *кръвьи* по аналогіи *костьи*) могла бы считаться правильной консонантической формой, какъ *дьнь*, тѣлесъ, камень, матерь, но она теряетъ свою характерность въ виду формъ дат., твор. и мѣстн., имѣющихъ *а* передъ суффиксами *мъ*, *ми*, *хъ*. Формы вин. множ. *камени*, *дьни*, *матери* слѣдуетъ объяснять, какъ формы основъ на *ĭ* (*кости* и т. п.), такъ какъ изъ *ans* мы ожидали бы ѧ (сравн. ѧ изъ *ant* въ окончаніи сигматическихъ аористовъ: рѣшѧ, привѣсѧ, приведошѧ, дашѧ и проч.); но естественно, что въ формѣ имен. мн. *і* (и) встрѣчается только у словъ женск. р.: матери, пръкъви, какъ *кости*, въ именахъ же муж. р. удерживается *е*: *дьне*, граждане, бержште, или, что встрѣчается лишь въ одномъ изъ упомянутыхъ именъ, является ие, а именно въ Зогр. и Мар. также дьные, дьние (*Leskien*, § 41) по образцу пѫтие. при чемъ только въ этомъ изъ именъ муж. р. имѣемъ и въ род. мн. при формѣ *дьнь* (сравните великорусск. *дён*) также и *дьнии*, *дьньи*, какъ и *кръвьи*,—ии, по образцу основъ на *ĭ* (пѫтии, костии).

Въ именахъ средняго рода съ основами на соглас. зв. въ именит. винит. п. множ. мы встрѣчаемъ *-а* (имена, словеса, отрочата) по образцу *села* вмѣсто ожидаемаго *о* изъ индоевроп. *ə*, на которое указываютъ арійское *і* при греческомъ *а*: др. инд. brhánti, dhámāni, авест. nāmāni, греч. γένεα и т. п. (Brugmann, K. V. Gr., § 484) Что же касается имен. вин. дв. ч., то имени,

[1]) О іотаціи *l*, *х*, *t* скажемъ далѣе.

тѣлеси и т. п. въ формахъ именъ средняго рода могли бы считаться правильными продолжателями индоевроп. формъ на *i* въ образованіяхъ отъ основъ на согласн. зв., подобно др. индійскимъ dhā́mnī, nā́manī, nā́mnī, mánasī (Br. K. V. Gr. § 474), а *дьни*, *камени* аналогичными образованіями по образцу пѫти. Возможно, что именно этотъ суффиксъ *i* мы имѣемъ и въ формахъ основъ на $\overset{o}{a}$ (*o*): *селѣ*, т. е. что *ѣ* изъ *oi* съ «длительной» долготой, какъ и въ Ф. мѣстнаго ед., по образцу же *селѣ*, конечно, явились имєнѣ (въ Зограф. и Мар.), тѣлесѣ, отрочатѣ... Формы род. мн. искони совпадали съ формами род. мн. основъ на $\overset{o}{a}$ и *ā*: дьнъ, каменъ, матеръ, словесъ, отрочатъ, гражданъ, пръкъвъ, дѣлателъ (*Leskien*, §§ 40, 41, 44, 46, 49, 50, 52, 66). Благодаря этому совпаденію естественно и въ Ф. твор. множ. являлось ѫ по образцу ѫ въ творит. мн. основъ на $\overset{o}{a}$ вмѣсто ожидаемаго окончанія *ми*, которое правильно должно было присоединяться къ основѣ. Это ѫ твор. множ. въ основахъ средняго рода стало всеобщимъ, въ основахъ же муж. рода при гражданѫ и дьнѫ имѣемъ камен*ьми*.

Являющееся передъ суффиксами *-мь*, *-мъ*, *-ми*, *-хъ*, *-ма* въ склоненіи всѣхъ этихъ основъ *ь* обязано своимъ происхожденіемъ вліянію основъ на *ĭ* (сравн. *камен*ьми и пѫть*ми*, кост*ьми* и т. п.)[1], но развитіе этого соединительнаго гласнаго (*ĭ*, откуда словянское *ь*) придется отнести, пожалуй, не только къ балтійско-словянской эпохѣ (сравн. литовск. akmenìs и на*ше* камен*ь*мь), но уже къ говорамъ индоевропейскаго праязыка (сравн. съ одной стороны лат. hominĭbus и съ другой—др. инд. rajabhyas, гдѣ *bhyas* присоединено прямо къ основѣ, также лат. формы основъ на *s*, какъ generĭbus, гдѣ *ĭ*, какъ у насъ *ь* въ тѣлесьмъ и т. п.).

Замѣтимъ, что въ основахъ на носовые звуки мы ожидали бы передъ суффиксами, начинающимися съ согласныхъ, образованія назалированныхъ гласныхъ, именно ę (ѧ) изъ en, чего

[1]) Сравн. *Brugmann*, K. V. Gr. §§ 489, 491, 493.

не находимъ; а встрѣчающіяся въ древнихъ памятникахъ сербскихъ и русскихъ формы на *-ам-*, *-ах* и т. д. (Miklos. V. Gr. III, 15—16) отъ основъ на *-iān-* или *iēn-*, *ēn-*, имѣющихся напр. въ старослов. *граждан-*, *словѣн-* и т. п., представляютъ извѣстныя новообразованія; правда, русскія формы в полѧхъ, въ деревлѧхъ (Лаврент. 7, Ипат. 8а) могли бы объясняться и изъ праслов. *-ѧхъ* (ęхъ) столько же, сколько и изъ праслов. *-jахъ*, но сербскія *-амь* послѣ смягчен. согласныхъ могутъ восходить лишь къ *іамъ*, *јамъ*. Здѣсь я не буду касаться подробно этихъ образованій; замѣчу лишь, что литература этого вопроса довольно обширна: *Миклошичъ*, *Даничичъ* [1]), *Соболевскій* [2]), *Брандтъ* [3]) и другіе касались его; въ новѣйшее время косвенно затронутъ онъ въ статьѣ *Шахматова*, имѣющей предметомъ вопросъ [4]), тѣсно связанный съ указанными формами Несторовой лѣтописи по спискамъ конца XIV в. и XIV—XV в., а именно судьбу прилагательныхъ типа старослов. роумѣнъ въ русскомъ и другихъ словянскихъ языкахъ.

Мы упоминали уже объ основахъ на *l* (*л*) (того же типа и нѣкоторыя на *р*, какъ *мытарь*). Эти основы, встрѣчающіяся обыкновенно въ производныхъ съ суффиксомъ *-тел(ь)*, очевидно, еще въ балтійско-словянскую эпоху приняли къ старому окончанію основы *l* суффиксъ *io*, чѣмъ и объясняется гласное окончаніе (ь) и мягкость *l* (л) въ ф. имен. ед. *дѣлатель* и большинствѣ другихъ формъ ед. ч. въ старословянскомъ языкѣ, не гармонирующая съ *ѣ* въ ф. род. мн. *дѣлателъ* и т. п. Но это мягкое *l* проникло по аналогіи и въ форму имен. множ., сохранившую правильное окончаніе основъ на согласн. зв.: *жателѣ*, *свѣдѣтеле* и т. п.

---

[1]) Историја облика српскога или хрватскога језика... 95, 118, 135.

[2]) Изслѣдованія въ области русской грам. 55—59.

[3]) Поправки и дополненія къ переводу Миклошича Н. Шлякова, в. I, с. VIII.

[4]) Извѣстія Отдѣл. русск. яз. и слов. Акад. н. т. VI (1901 г.), кн. 4, с. 267—294.

Инымъ путемъ появилась іотація въ старыхъ основахъ на *nt*· муж. р., которыя мы имѣемъ въ причастіяхъ настоящаго времени. Въ имен. ед. муж. р. мы имѣемъ въ старослов. языкѣ формы: а) несѧ, беръ, знаѧ, объясняющіяся изъ *-onts* (индоевроп. *-ŏnts*), *-ionts*, совершенно такъ же, какъ ѫ въ рабъ изъ *-ons*, а въ краѧ изъ *-ions*, сравн. греч. φέρων (gen. φέροντ-ος) изъ *bhĕrŏnts подъ вліяніемъ аналогіи типа индоевроп. *-ān* (напр. въ χώων и т. п.)[1]; б) вида, хода изъ *-ints* подъ вліяніемъ аналогіи[2] косвенныхъ падежей, въ которыхъ *int* приходилось не въ конечномъ слогѣ. Въ остальныхъ пад. формахъ вмѣсто ожидаемаго *t* мы имѣемъ *tj*, откуда старослов. шт, рус. *ч* и т. д., при чемъ и окончанія являются въ формахъ ед. и большинствѣ формъ множ. ч. тѣ, которыя свойственны основамъ на *ă*: род. ед. бержшта, ходѧшта и т. д. Только Ф. имен. мн. сохраняетъ старое окончаніе *e* изъ индоевроп. *-ĕs* (греч. φέροντες), но подобно жателе и здѣсь передъ окончаніемъ *e* является смягченный согласный. Этотъ смягченный согласный можетъ быть объясненъ только заимствованіемъ изъ другихъ пад. формъ, представляющихъ новообразованіе помощію присоединенія суффикса *io*.

Но то же смягченіе имѣемъ мы и въ Ф. имен. ед женск. р. бержшти, ходѧшти, гдѣ мы имѣемъ старую основу на *ī* (сравн. др. инд. *bharantī*), такую же, какъ въ *богыни*, *ладии*, *млъвии*, *балии* и др., при чемъ, какъ и въ словахъ на *-ꙑни*[3]), смягченіе проникло здѣсь въ Ф. имен. ед., вѣроятно, изъ формъ другихъ падежей (богъына, бержшта въ род. ед. и т. п.), гдѣ іота-

[1]) *Brugmann*, K. V. Gr. §§ 453 и 454.

[2]) Въ конечномъ слогѣ *-ints* измѣнилось бы на словянской почвѣ въ *ī* назалированное и далѣе въ *i* (старослов. и), сравн. *i* въ вин. множ. *кости* (изъ *-ins*).

[3]) Интересный опытъ объясненія происхожденія этого суффикса мы имѣемъ въ статьѣ проф. *Зубатаго* (Archiv f. sl. Phil. XXV, 355—365).

ція явилась благодаря сокращенію *i* въ сочетаніи съ окончаніемъ другой основы *ā* (или ā), т. е. благодаря основамъ на *iā* (или iā), которыя, кажется, уже въ индоевроп. эпоху чередовались съ основами на *ī*. Это *ī*, по предположенію Фортунатова (см. Лекція о склоненіи 1897 г., с. 67—69), было лишь діалектически образовано въ индоевроп. праязыкѣ изъ болѣе древняго *iə* (сравн. и у *Бругмана* K. V. Gr. § 453, 429), т. е. сочетанія *i* съ «неопредѣленнымъ» гласнымъ[1]), такъ что др. инд. bharautī patnī, ст. слов. **кєржѫшти, кѣвѣкѫши, когнѣни** представляютъ индоевр. діалектическое стяженіе *iə* въ *ī* черезъ посредство iə (т. е. сочетаніе слогового *i* съ неслоговымъ неопредѣленнымъ гласнымъ), греческія же формы φέρουσα изъ прагреч. *φέροντια, λέαινα изъ *λεᾱπια и т. п. представляютъ рефлексы діалектическаго сохраненія сочетанія iə вслѣдствіе слогового характера не *i*, а *ə*. Такимъ образомъ чередованіе *ī* съ iā сводится къ чередованію *iə* съ iā.

То же объясненіе прилагается и къ основамъ на *ū* : *ū* получилось изъ сочетанія uə, которое чередовалось въ праязыкѣ съ uā.

Чередованіе iā съ iə и ua съ uə насъ не должно удивлять, такъ какъ въ сравнительномъ языковѣдѣніи давно уже утвердилось мнѣніе о чередованіи въ индоевропейскомъ языкѣ благо-

---

[1]) Выраженіе это («voyelle indéterminée»), кажется, впервые употреблено *Соссюромъ* въ 1879 г. (*Saussure*, Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indoeuropéennes, 180). О различіи этого гласнаго отъ индоевроп. (замѣчу, что выраженіе Фортунатова «гласная» и т. п. я вездѣ замѣняю черезъ «гласный») ирраціональнаго гласнаго Фортунатовъ говоритъ между прочимъ въ статьѣ «Плавныя согласныя въ древне-индійскомъ яз.» (Сборникъ статей въ честь Ѳ. Е. Корша, с. 485) и въ «Сравнит. фонетикѣ» 1902 г., с. 42. *Бехтель* (Die Hauptprobleme, s. 248) возражаетъ противъ характеристики этого гласнаго, сдѣланной Соссюромъ, т. е. противъ названія «indéterminée».

даря извѣстнымъ причинамъ тоническимъ долгихъ гласныхъ ряда *а* (*ē*, *ā*, *ō*) съ редуцированнымъ гласнымъ *ə* [1]). Если же мы здѣсь предположимъ такое чередованіе, намъ станетъ понятно, почему въ склоненіи основъ на *ŭ* и *ĭ* въ старослов. яз. такъ ясно обнаруживаются формы основъ на *ā* (напр. дат. мн. цръкъ*вамъ*, берѫш*тамъ*), при чемъ передъ *а* ясно обнаруживается присутствіе элементовъ u и i въ *ъв* и смягченности согласныхъ.

Старая основа на согласный *s*, какъ извѣстно, является въ формахъ сравн. степ. прилагат. (имен. мн. муж. *бо͡льше*) и причастій прошедшаго времени (им. мн. муж. *ведъше* и пр.), при чемъ совершенно аналогично причастіямъ наст. врем. въ ф. им. ед. ж. р. и здѣсь является основа на *ĭ*, несомнѣнно такого же происхожденія, какъ было указано раньше (бо͡льши, *мьньши*, *ведъши*). Какъ *ь* въ *бо͡льше*, *бо͡льши* представляетъ отраженіе *ĭ*, чередовавшагося въ слабомъ видѣ основы съ -i͡a(s) сильнаго, такъ *ъ* въ несъ, ведъ, несъши, ведъши—отраженіе *ŭ*(*s*), чередовавшагося съ u͡a(s), *ь* въ *хва͡ль*, *хождь*—изъ i͡us, въ которомъ i͡ изъ гласнаго *i* въ концѣ глагольной основы, а *в* въ *знавъ*—звукъ, развившійся на словянской почвѣ въ положеніи между гласными передъ *ŭ* (*ъ*). Какъ и въ разобранныхъ выше основахъ на t причастій наст. врем., такъ и здѣсь въ формахъ косв. пад. муж. р. является распространеніе основы помощію *i͡o*: род. ед. муж. бо͡льша, ведъ*ша*...., гдѣ *ш* изъ s i͡ черезъ посредство x i͡, такъ какъ s послѣ u и i должно было измѣниться въ *х*. Въ виду послѣдняго обстоятельства *ш* въ ф. имен. множ. муж. *ведъше* и им. ед.

---

[1]) См. напр. у *Гирта* (*Hirt*), Der indogermanische Ablaut, Strassburg 1900, s 5. Сравн. въ книгѣ *Бехтеля* (*Bechtel Fritz*) «Die Hauptprobleme der indogerman. Lautlehre seit Schleicher» (Göttingen, 1892), с. 238 и сл., хотя Бехтель не употребляетъ для этого гласнаго знака *ə*, служащаго у него для означенія гласнаго «слабаго» вообще (ib. 104), преимущественно того, который Фортунатовымъ называется ирраціональнымъ (см. §§ 2 и 3).

ж. р. *ведъши* могло бы, конечно, объясняться безъ предположенія сочетанія i͡o, которое мы необходимо должны были предположить и въ этихъ формахъ основъ причастія наст. врем. на *nt*, такъ какъ *ш* изъ *х* получиться должно и передъ е и передъ *ĭ*, если бы за перенесеніе s i͡ изъ другихъ формъ не говорила аналогія бержштѣ, бержшти и т. п., гдѣ t передъ *е* и *ĭ* осталось бы безъ измѣненія.

Но нелишне упомянуть о попыткѣ словѣнскаго ученаго *К. Штрекля* (*K. Štrekelj*, Archiv für slav. Philol. XXVI, 569—570) объяснять *шт* въ упомянутыхъ формахъ аналогіей равенства *ш* изъ *х* передъ *е*, *ĭ*, *ь* въ ведъше, ведъши, ведъшь [1]) и изъ x i͡ (xj) въ ведъша, -*шоу* и т. п., приведшей къ замѣнѣ *ведѫте (vedǫte) черезъ *vedǫtje (ст. слов. ведѫштѣ). Конечно, это объясненіе исходитъ изъ предположенія неіотованнаго *е* въ *ведъше*...

Консонантическія основы являются также въ числительн. четꙑре, десѧте (см. у Лескина §§ 71 и 73), принявшихъ уже много формъ по образцу основъ на *ĭ* (десѧтъ вмѣсто *деся), хотя появленіе здѣсь основы на *t* неясно въ виду производности словянскихъ формъ числительныхъ количественныхъ отъ соотвѣтственныхъ порядковыхъ (десѧтъ=греч. δέκατος, лит. dešimtas, пѧтъ=гр. πέμπτος, лит. penktas ..): ср. лит. dešimtis—«десять» при dešimtas «десятый».

[1]) Форма вин. ед. (сравн. камень, црькъвь).

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 10. Что касается вопроса о двухъ *o* и *ō* въ индоевропейскомъ праязыкѣ, различаемыхъ уже во второмъ изданіи «Grundriss» Бругмана и внесенныхъ и въ 3 изданіе (1898) «Handbuch» Лескина, то онъ заключается въ слѣдующемъ: принимается кромѣ гласныхъ, означаемыхъ у Бругмана и другихъ, буквами *o* и *ō*, находящихся въ извѣстномъ чередованіи съ *e* и *ē*, еще гласные, означаемые у Бругмана и другихъ западныхъ лингвистовъ буквами $\overset{o}{a}$, $\overset{o}{\bar{a}}$, которые не чередуются съ *e* и *ē*; какъ примѣры приводятся для $\overset{o}{a}$ такіе случаи, какъ слов. *овь-ца*, лит. *avìs*, лат. *ovis*, греч. ὄϝις..., для $\overset{o}{\bar{a}}$—слов. *дати* при литовск. *d$\overset{o}{u}$ti*, лат. *dōnum* и т. п. (*Leskien*, Handbuch 3, s. 11), причемъ предполагается, что въ литовскомъ только это второе *ō* (т. е. $\overset{o}{\bar{a}}$) измѣнилось въ $\overset{o}{u}$, а *ō*, чередовавшееся съ *ē*, осталось въ качествѣ *o* и совпало такимъ образомъ съ литовскимъ рефлексомъ основного *ā* (*m o t$\tilde{e}$*, сравн. лат. *māter*): лит. išvora «Mus» сравн. съ словянск. *варъ*, гдѣ *a* изъ *ō*, при *изворъ*, гдѣ *o* изъ *ŏ*, лит. *atsodà*, *sòdis* и др. при *sė̀sti*, sė̀dė̀ti сравн. съ слов. *садъ* и проч. при *сѣсти*, *сѣдѣти*...

Ф. Ѳ. Фортунатовъ въ курсѣ сравнительной фонетики 1902 г. (с. 10, 13, 14, 16), хотя и различаетъ два $\overset{o}{\bar{a}}$, а именно $\overset{o}{\bar{a}}_1$, болѣе близкое къ *a* и чередовавшееся съ $\overset{e}{\bar{a}}$ (берж—боръ), и

$\mathring{\bar{a}}_2$, болѣе близкое къ *o*, однако не видитъ (с. 11) указаній въ индоевропейскихъ языкахъ на существованіе двухъ видовъ $\mathring{\bar{a}}$, обозначаемыхъ лингвистами черезъ $\bar{o}$ и $\mathring{\bar{a}}$. Замѣчательно, что и Бругманъ въ сокращенномъ изданіи Vergleich. Grammatik (I Lief. 1902) уже не говоритъ о двухъ родахъ индоевроп. *o* и $\bar{o}$ и склоненъ тѣ случаи, гдѣ въ литовскомъ яз. вмѣсто ожидаемаго $\mathring{u}$ является $\bar{o}$, объяснять или вліяніемъ аналогіи чередованія $a:\bar{o}$ изъ праиндоевр. $a:\bar{a}$, или предположеніемъ въ этихъ случаяхъ праиндоевроп. $\bar{a}$ (K. V. Gr. § 114, Anm.).

Къ стр. 11 – 12 Въ 1879 г. («*Критическое Обозрѣніе*» № 19, с. 36[6]) Ф. Ѳ. Фортунатовъ объяснялъ словянск. *y* въ *рабу* такимъ образомъ: «Что касается слав. *y* въ *рабу*, то я вижу здѣсь не древній дифтонгъ *au*, *ou*, но долгое закрытое о ($\hat{o}^u$), которое впослѣдствіи совпало съ $\hat{o}^u$, $\hat{u}$ изъ дифтонга ou=au, какъ напр. въ греч. яз. *ou* имѣетъ двоякое происхожденіе. Это $\hat{o}^u$ въ слав. дат. ед. ч. основъ на *o* есть лито-слав. $\hat{o}^u i$ изъ индоевроп. $\hat{a}^o i$. Причина, по которой литовско-слав. $\hat{o}^u$ удержалось здѣсь въ слав. яз. и не перешло въ $\hat{a}$, заключается въ вліяніи второй части дифтонга $\hat{o}^u i$=индоевроп. $\hat{a}^o i$». .

Къ стран. 18 и 29—30. Подробно о процессѣ образованія прасловянскаго *ѣ* изъ дифтонга $o\widehat{i}$ (черезъ посредство $o\widehat{e}$, ö и üö) см. въ статьѣ акад. *А. А. Шахматова* въ Извѣстіяхъ II Отд. И. А. Н., т. VI (1901), кн. 4, с. 270 — 271. Здѣсь же (стр. 270) высказано предположеніе о томъ, что дат. ед. *рыбѣ* имѣетъ окончаніе не дат., а мѣстнаго ед. (на основаніи тожества ударенія въ русскомъ и сербскомъ яз. въ формахъ основъ на $\bar{a}$ дат. и мѣстн. ед. ч. въ большинствѣ словъ съ подвижнымъ удареніемъ: русск. *бородѣ бородѣ* дат. и мѣстн.).

10 іюня 1905 г.

Важнѣйшія опечатки въ статьѣ Ляпунова.

		Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
На стран. 5,	стр. 4 сверху:	с. 182),	с. 182,
» » 7,	» 5 снизу:	нашем—ъ	наше—*мъ*
» » 11,	» 16 сверху:	ст. слав.	ст. слов.
» » 11,	» 17 »	ст. слав.	ст. слов.
» » 13,	» 1 »	Въ	въ
» » 29,	» 21 »	ăi	ăi
» » 35,	» 13 »	индо-европ. ăns	индоевроп *ăns*
» » 36,	» 9 »	вѣроятнымъ	вѣроятными
» » 46,	» 1 снизу:	ău	ău
» » 58.	» 1 сверху:	87),	87,
» » 64.	» 9 »	*іамъ*	*іамъ*
» » 66,	» 8 »	bharautī	bharantī